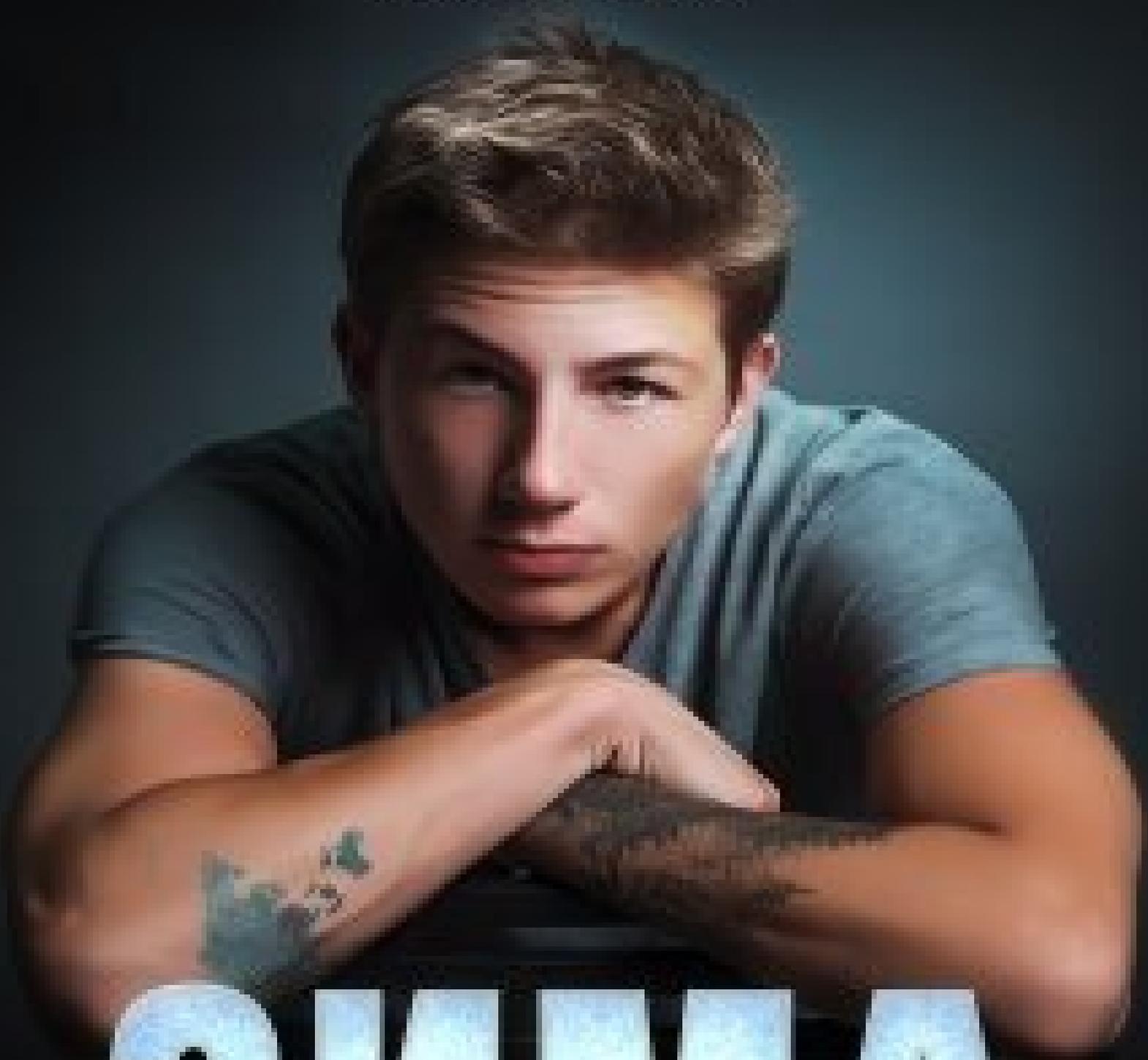

ИДЕН БАР

3
в сердце
любви

Очень плохой детдомовец семнадцати лет одержимо, до одури влюбляется в хорошую девочку. Он видит цель, но не видит препятствий, а все потому, что у него есть секрет, против которого не устоит ни одна! Но она устояла. Более того, сделала то, чего он никак от нее не ожидал. А ещё она — его учительница. Хотя, ведь с этого все только начиналось... Книга не содержит никаких сцен сексуального характера!

Глава 1 Энтузиазм новичка. Антонина

Когда дядя Ваня сказал мне, что в школе-интернате для сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, есть место учителя русского языка и литературы, я очень обрадовалась. Это ж четко по моему профилю!

— Только вот что, доча, — задумчиво прибавил он тогда, словно уже жалея о сказанном, — ты подумай хорошо! Потому как дети эти непростые, со сложными судьбами. А то и, часто, с искалеченной психикой. У меня их половина из числа старшеньких уже на учёте состоит...

Дядя Ваня — брат моего отца и наш местный участковый. Для него я больше чем просто племянница. Скорее, как дочь. Он обстоятельно и подробно объясняет, что было бы хорошо, если бы перед тем, как идти на такую вакансию, я поговорила с психологом из детской комнаты полиции.

Конечно, я обещаю. Но глаза мои уже горят энтузиазмом, а все мысли теперь сосредоточены только на том, чтобы успеть подать свою кандидатуру, опередив других возможных соискателей.

Опыта-то у меня никакого нет — только в прошлом году я закончила пединститут, и до сих пор в поисках работы по специальности. В нашем маленьком городке есть всего три школы, не считая этого интерната. И у них для меня вакансий не имеется!

Чтобы куда-то ещё пробоваться, нужен опыт работы, а где ж его возьмёшь без денег и связей? Поэтому сейчас я, пусть и временно, работаю в библиотеке, радуясь хотя бы этому.

Главное, чтобы взяли, а дальше-то я уверена, что справлюсь. Для меня это еще и вызов в хорошем смысле, как педагогу — помогать в обучении не самых простых деток. Я же не хуже других соискателей! И сделаю все, чтобы детдомовские ребята не только знали, но и любили мои предметы.

Подав заявку немедленно, в пятницу, и еще ничего не зная о результатах, принимаюсь за «домашнюю работу». За одни только выходные составляю кучу учебных планов по своим предметам на полгода вперёд, надеясь продемонстрировать этот материал на собеседовании.

В понедельник наступает «час икс». Я страшно волнуюсь, но, кажется, зря, потому что в итоге получаю эту работу. Уже в среду меня официально зачисляют в штат.

Хотя, после первых восторгов понимаю, что желающих устроиться сюда вряд ли было много, недаром ребята сложные. У психолога в детской комнате полиции я побывала тоже, но, в общем, никаких «Америк» там для меня не открыли.

Перед первым рабочим днём дядя Ваня не забыл позвонить мне, попросив вести себя поосмотрительнее и, в случае чего, сразу же докладывать ему.

— Старайся избегать любых конфликтов и склок, — строго напутствовал он, — ты девочка молодая, неопытная, но для детворы должна всегда быть непререкаемым авторитетом. Уяснила, Антонина?

— Ага, дядь Вань, да вы не волнуйтесь, — мотала я «на ус» и благодарила его, посмеиваясь про себя чересчур серьезному подходу. Ну, подумаешь, детдомовцы!

Не знаю почему, но это ожидание начала настоящей учительской работы казалось для меня почти волшебным. Долгожданным и пугающим одновременно...

Глава 2 Детки

Одетая по-деловому — в пиджаке, юбке и белой блузе, в которых защищала институтский диплом, я уверенно вхожу в учительскую. Настроение праздничное, сегодня первый рабочий день.

Улыбаюсь всем и здороваюсь. Татьяна Ивановна, пожилая завуч, знакомит меня с присутствующими.

— Вот, ваша коллега, прошу любить и жаловать, — немного нараспев говорит она, пока я осматриваюсь, чуть-чуть робея, — Антонина Сергеевна Брежнева, учительница русского языка и литературы.

Она говорит еще что-то, приличествующее случаю. В помещении, за столами расположились Владимир Анатольевич, сухонький мужчина средних лет в очках — учитель математики, и Лариса Тимуровна, некрасивая девушка с выдающимся носом лет тридцати — учитель биологии. Математик приветственно кивает и сразу теряет ко мне всякий интерес. Биологичка же, напротив, задерживается остро-любопытным взглядом. Смотрит свысока.

— Драсьте. Пиджак на вас большемерит, — небрежно бросает она мне, возвращаясь к своему занятию. Красит губы красной помадой, держа маленькое карманное зеркальце на весу, — хотя, с нашими зверятами, уж лучше так. Построже! И говорить, и выглядеть.

Меня сразу коробит слово «зверята». Как она может, это же дети?! Удивленная, я смотрю на Татьяну Ивановну.

— Лара, заканчивай, — немного повышает на нее голос та, впрочем, довольно миролюбиво. Татьяна Ивановна вообще производит впечатление человека доброго и душевного, что для завучей редкость. Даже в детдоме. Наверное, особенно в детдоме.

— Ой, какая хорошенькая! Здравствуйте, — заходит в учительскую ещё одна педагог, с порога смущая меня комплиментом, — ты, главное, не переживай. У нас все преподаватели и ребята нормальные.

— Да, Антонина. Как пообвыкнешь, контакт наладишь со всеми, отдадим тебе старшеклассников под классное руководство, — продолжает Татьяна Ивановна, — у нас всего-то один выпускной класс в этом году. Мария Владимировна с ними уже не справляется, а ты молодой педагог, энергичный. Как вы, молодые, говорите — будете на одной волне!

Я смотрю на вошедшую Марию Владимировну. Ещё не знаю, что именно она преподаёт, но, правда, старенькая. Давно уже пенсионерка по виду.

До первого моего урока остаётся совсем немного времени. Поэтому, оставив свои вещи в учительском шкафу, я с классным журналом под мышкой и увесистой пачкой учебно-методических материалов в руках, иду вслед за завучем знакомиться с учениками.

По мере приближения к классу сердцебиение мое резко учащается. Берясь за ручку двери, ощущаю его уже где-то в горле от нахлынувшего волнения, но, выдохнув, смело вхожу.

Тот самый выпускной класс. Надо же, первый урок — и сразу самые старшие ребята в школе.

— Класс, встать! — голос завуча делается оглушительно-громким, и я невольно вздрагиваю.

Татьяна Ивановна коротко представляет меня ребятам. Затем пишет мои фамилию, имя, отчество на доске. Придя в себя окончательно и успокоившись, я с улыбкой обвожу взглядом

сидящих за партами.

Всех и каждого одновременно, понимая, что с детками это я, пожалуй, погорячилась! Ребята реально взрослые. Сколько им? Шестнадцать-семнадцать?

Класс немногочисленный, в основном, парни. И всего несколько каких-то безликих девочек, глядящих на меня с отсутствующим видом. Вот даже без намека на интерес! Я очень хочу стать для них, конечно, со временем, настоящим старшим другом и наставником. Завоевать если не любовь, то уважение ко мне и к тем предметам, которые преподаю, несмотря на все вероятные трудности адаптации, к которым, в общем-то, готова.

Через минуту-другую завуч уходит, ободрительно мне улыбнувшись. Аккуратно прикрывает за собой дверь, а я присаживаюсь к учительскому столу и прошу ребят садиться тоже. Раскрываю журнал.

Ещё раз внимательно всматриваюсь в их лица. В большинстве своём они производят приятное впечатление, и я удовлетворяюсь этим наблюдением.

— Ребята, давайте знакомиться поближе, — бодро начинаю.

— Насколько ближе?! — раздаётся ехидный голосок откуда-то справа, и сразу же по всем рядам прокатывается волна смеха. Я решаю не обращать внимания.

— Если я правильно понимаю, учителя русского языка и литературы у вас не было чуть больше двух месяцев, — продолжаю с энтузиазмом. Сегодня у них только литература по расписанию, — но мы обязательно восполним этот пробел знаний, чтобы вы все хорошо сдали ЕГЭ в конце учебного года. Будем осваивать материал, не спеша и с удовольствием. Сегодня у нас урок русской литературы! На изучении творчества какого писателя вы остановились, кто-нибудь помнит?

— С удовольствием и не спеша, это мы любим! — летит новый комментарий и приступ смеха. На этот раз я успеваю заметить говорящего.

Это рыжеволосый вихрастый парень тщедушного телосложения, в растянутой чёрной толстовке с черепами и потертых джинсах. Одет он подчеркнуто небрежно. Хихикает практически без пауз, и даже отсюда видно, что зубы у него не в порядке, что, впрочем, для детдомовца не удивительно.

Я стараюсь напустить на себя строгий вид и не тороплюсь отвечать ему.

— Ребята, к вам лучше обращаться на ты или на вы? — решаю побыть толерантной. И хочу поговорить с ним прямо сейчас, при всех. Осадить мягко, но решительно. У меня ведь уже не будет второго шанса произвести на этот класс правильное первое впечатление.

— На вы и ваша светлость, пожалуйста, — скабрёзно хихикает рыжий, вызывая уже ничем не прикрытый, дружный гогот одноклассников. Я чувствую себя крайне неудобно, понимая, что контроль над ситуацией почти потерян.

А впрочем, был ли он вообще, этот контроль?! Что, если я так и «забуксую» в общении с ними на первом же уроке? На всех лицах, даже самых равнодушных минутой ранее, сейчас читаются только злорадство и тупость. Мне становится страшно.

— Тяпа, закройся уже, — слышится тихий приказ откуда-то с задней парты в среднем ряду. Силуюсь разглядеть, кто там, и вижу серьёзного сероглазого парнишку, который сидит один.

В общем, обычный такой парнишка, но он здорово помог мне. Рыжий замолкает, класс шпормит шепотком ещё какое-то время и, наконец, воцаряется что-то вроде некоего затишья.

Я веду урок дальше, изо всех сил стараясь, чтобы это было интересно. Прямо-таки излучаю дружелюбие. Но, к сожалению, многие ученики откровенно игнорируют меня,

глядя в окно. Кажется, внимательно слушают только девочки да тот сероглазый.

Когда звенит звонок, оповещающий об окончании урока, я вздыхаю с облегчением. Все выходят, собрав тетрадки с ручками в какие-то похожие казённые портфели.

Никто из них не говорит мне «спасибо» или «до свидания», но я этого и не жду. Провожая взглядом нестройную вереницу шумных, галдящих подростков. В глубине души я чисто по-человечески сочувствую им. Понимаю, что моя цель здесь — дать детдомовцам знания не для галочки, а настоящие, лучше даже углубленные. Но сделать это без привычного в этих стенах принуждения! Что ни говори, а задача «со звездочкой».

Сероглазый поднимается в числе последних, когда уже почти все ученики оказываются за дверью. Помня о его услуге, я коротко, но ласково улыбаюсь ему. Затем снова утыкаюсь в классный журнал, заполняя нужные поля. В целом, я считаю, что сегодняшний урок прошёл неплохо.

Но тут начинает происходить что-то непонятное. Краем глаза замечаю, что класс уже полностью опустел, а сероглазый подошёл к моему столу вплотную. С удивлением, я поднимаю на него взгляд, отрываясь от бумаг.

Парнище рослый и, в отличие от одноклассников, широкоплечий, немного нескладный. Он без приглашения присаживается за первую парту напротив меня.

— Тош, ты мне очень нравишься! — говорит запросто. Смотрит серьезно. От такого нахальства я замираю. Может, олигофрен? Дар речи пропадает куда-то. Я присматриваюсь повнимательнее, но никаких физических признаков отклонений или болезни в нем не вижу. Неужели просто хам?!

Так и сидим, уставившись в глаза друг другу. «Тоша» в устах этого мальчика звучит без издевки или прикола, а даже как-то нежно и странно одновременно.

— Прогуляемся, как закончишь работу? — прибавляет. Я вспыхиваю.

— Меня зовут Антоновна Сергеевна! — отрезаю, возмущённая до крайности. На эмоциях, я даже встаю со своего места, потому что уже не выдерживаю этот его чересчур пристальный взгляд. Однако потом сажусь снова, устыдившись своей несдержанности. Мальчик молчит, но не уходит, продолжая изучать меня.

Заметив, что он не агрессивен, немного успокаиваюсь. В конце концов, ребёнок не должен видеть, что так меня задевает своим поведением! Я старше и мудрее, напоминаю я себе.

— Как тебя зовут? — спрашиваю, — извини, пожалуйста, я ещё не всех вас успела запомнить по именам.

Он расплывается в искренней улыбке. И тянет мне руку для рукопожатия, совершенно не смущаясь.

— Зима! — представляется. Я с опаской смотрю на протянутую ко мне руку, как на ядовитую змею. Стоит ли пожимать ее в ответ?

— Вообще, Данил Зимин, — поясняет низковатым, как для мальчика, баском. Не опускает руку, и мне это очень не нравится. Он как будто не понимает, с кем и о чем говорит сейчас!

— Зима это прозвище, — продолжает.

— Ясно, — стыдно признаться, но мальчик «додавливает» меня психологически, и я пожимаю ему руку. Его тёплая, чуть шероховатая ладонь на секунду встречается с моей. Чудно!

Он, кажется, замечает смятение, если не ужас на моем лице. Насмешливо хмыкает:

— Да вы не волнуйтесь так, мы все здесь чистые и здоровые. Ну, почти. Я так точно!

— Да ты что, — ахаю, — я вообще-то... эмм... совсем не это имела в виду!

— А я тоже ничего такого, — он снова улыбается, и невольно приковывает к себе внимание. Лицо у него широкое, скуластое и открытое. Серые миндалевидные глаза как будто искрятся смешинками. Улыбка у этого Данила очень хорошая, теплая. Какая-то человеческая, что ли.

И вдруг, как обухом по голове, то неприятное воспоминание — слова биологички в учительской. Зверята!

Я мысленно изумляюсь тому, что почти подпала под обаяние дерзкого детдомовца, но можно ли ему доверять? Что, если на уме у этого Зимы какой-нибудь жестокий розыгрыш, или он и вправду такой дурачок, что решил просто подкатить ко мне?

Дальнейший разговор заходит в тупик. Я уже не верю ни капли в простоту этого мальчика, зато наглость тут налицо.

— Ну, хорошо, Данил. Иди на следующий урок, а то опоздаешь, — говорю ему спокойно, — до встречи.

Стараюсь больше не смотреть на него, совсем, с умным видом перебирая бумаги на учительском столе. Но он почему-то не уходит, и мне снова становится не по себе.

Странный парень! Чудаковатый, непредсказуемый. Внутренне я все более теряюсь, понимая, что не могу его контролировать. Наорать в такой ситуации точно не вариант, да и не умею я.

Как раз в тот момент, когда чувствую, что меня начинает захлестывать паника, Данил Зимин спокойно выдает: «До скорой!» и, взглянув в последний раз на мои горящие уши, выходит из класса.

Я не могла бы даже предположить, насколько скорой, в самом деле, окажется наша следующая встреча.

Глава 3 Зима

Иду домой после уроков. Уставшая, счастливая! Натоптанный снежок весело поскрипывает под ногами, а в небе надо мной сияет иссиня-черная ночь. В зимние месяцы вечерет так рано. Думаю о том, что сегодня в младших классах мои уроки прошли намного легче и спокойней, чем в так называемом выпускном.

Подхожу к своему дому. Внезапно в шаге от меня, от стены отлепляется темная фигура в капюшоне. Сердце екает и на секунду останавливается — я узнаю этого человека. Данил Зимин! Озноб по коже. Что он здесь забыл, и откуда знает мой адрес?

— Ты что здесь делаешь?! — шокированная, торможу. Усмехнувшись, он засовывает руку в карман легкой куртки и распахивает ее, доставая оттуда белую розу. Возможно, это выглядело бы романтично в какой-то другой ситуации. И не с ним, точно.

— Жду тебя, — доверчиво протягивает розу мне. Мягко говоря, обалдеваю. Заставляю себя вспомнить, что это все же ребенок, к тому же мой ученик. Хоть и вымахал детина ростом выше меня, а я совсем не низенькая, метр семьдесят.

— Данил, замёрзнешь! — ругаю его.

— Пригласи на чай, — смеётся в ответ. Хватаю парня за рукав и без церемоний затаскиваю в подъезд, там теплее. Он легко, даже на удивление послушно идёт за мной. Подвожу его к навесной батарее возле наших почтовых ящиков, и разворачиваю поближе к свету. Лампочка под серым потолком скорее режет глаза, чем освещает, но это лучше чем темное крыльцо обледенелого подъезда.

— Давно стоишь? Откуда узнал адрес?

— Возьмете — скажу, — снова нахально тянет розу. Молча беру ее. И откуда деньги на цветы, интересно?!

— В журнале написано, — лениво тянет.

Ну да, все так. В классном журнале есть телефоны и адреса преподавателей! Я почестному указала свой фактический адрес, а не прописку. В этом доме я снимаю трехкомнатную квартиру, с двумя своими приятельницами вскладчину. По комнате каждой. Но как он добрался до журнала? Ладно, об этом не буду спрашивать.

— Зачем?!

— Просто так. Я ж говорил, ты мне нравишься. Захотелось увидеть снова, — отвечает вполне серьезно.

— Ты ко всем новым преподавателям так пристаешь? — сердито вырывается у меня.

— Не ко всем, — Зимин дерзко смотрит мне в глаза, — ты первая.

— Значит, так, — я снова по-хозяйски хватаю его за локоть, и пытаюсь развернуть на выход. Мне не очень-то легко, ведь парень сложен довольно мощно против хрупкой меня.

— Шуруй давай в детдом! — говорю, и тут же прикусываю губу. Это жестковато прозвучало, но Данилу, видимо, не привыкать к жесткости. Слушает меня с улыбкой, но внимательно.

— Извини, — я неловко провожу рукой по рукаву его курточки, но от этого только хуже. От моего простого прикосновения глаза Данила Зимина разгораются бешеным блеском. На всякий случай, отодвигаюсь подальше, — без шапки-то почему?

— Скажу, если ответишь на вопрос.

— На какой?

Мне так странно стоять с этим ребёнком вдвоём, в вонючем сумрачном подъезде. Я уже знаю, что ему всего семнадцать.

— Ты замужем? Парень есть?

Его вопросы вызывают у меня смех.

— Даня, иди домой, — я стараюсь выглядеть серьезной.

— Я знал, что нет, — идиотская довольная улыбочка в ответ.

— Есть!

— Зачем врешь?

— Не наглей, пожалуйста, Зимин, — бормочу и устало направляюсь к лифту. Он уже надоел мне, — подхватишь ещё воспаление лёгких! Возвращайся домой.

Сжимая в руке злополучную белую розу за колючий ледяной стебель, нажимаю кнопку вызова лифта.

— Так что там с шапкой?! — интересуюсь, едва шагнув в лифт и разворачиваясь лицом к нему.

— Шапки нет. Временно, — он пожимает плечами, — но завтра куплю.

Что за черт, как такое возможно?! На улице сильный мороз. Его слова заставляют меня выпрыгнуть из уже закрывающихся дверей лифта, больно зацепившись за одну из них плечом. Ну что за гребанное государство, не в состоянии обеспечить детдомовских ребят зимой шапками?

Я решительно снимаю свою и надеваю ему на голову. Зимин удивлен, но не сопротивляется, наоборот. Я вижу, что ему приятно мое участие. Да и шапка у меня совсем не женская, скорее, унисекс, из самой обычной толстой вязки.

— Вот, Дань, можешь не отдавать. У меня таких еще несколько, — вру.

— Спасибо! — Зимин расплывается в улыбке, которая меняет его лицо, делая почти красивым. Я даже засматриваюсь.

— Знаешь, для меня такого еще никто не делал, — признается, — и Даней не называют. Это так приятно, оказывается...

— Только не пытайся меня разжалобить, — отвечаю быстро, строго, словно спохватываясь, — давай возвращайся домой скорее, а то накажут! И не благодари. До встречи на занятиях!

Разворачиваюсь к лифту и жму кнопку, отчего-то боясь задержать на Зимине взгляд чуть дольше положенного. Делаю шаг в распахнувшиеся створки, и не оглядываюсь. Еду на свой этаж.

Но весь остаток вечера мне не дают покоя мысли о нем. Добрался ли? Не замёрз? Зачем он приходил вообще?!

Глава 4 Звезда ТикТока

Утром, наскоро позавтракав, спешу в школу. Сегодня у меня занятия в начальных классах. Работать с самыми маленькими сложнее всего. В обучении они не особо усидчивы и прилежны, да и специфика их жизни накладывает свой отпечаток на поведение. Например, любой может запросто встать посреди урока и молча выйти из класса. Или начать играть прямо за партой.

Но с ними я не могу быть строгой, хотя завуч просит. Я болею сердцем за каждого этого малыша, потому что невозможно абстрагироваться и даже на минуту забыть о том, какие тяготы выпали на их долю, и еще предстоит в будущем.

Захожу в учительскую. Новости с порога — Данил Зимин вчера сбежал «за периметр», да ещё и вырвал цветок в горшке, прямо со стола секретаря директора! Белую розу. Лилечка, секретарь, очень удручена этим, она так долго ее выращивала...

Чувствую, как краснею. Мышью выскальзываю из кабинета в классы, едва повесив свой пуховик в шкаф и поздоровавшись. Оставляю коллег-педагогов в самом разгаре обсуждения случившегося. Ох, и Даня!

После уроков у меня факультатив, то есть дополнительные занятия для неуспевающих. Пресловутого и всеми нелюбимого «выпускного» класса в учебном плане, к счастью, на сегодня нет.

Проведя занятия, я бреду в учительскую, поглядывая в окна. До чего же снежная в этом году зима! Темнеет рано, и голова в конце дня совсем чумная. Хорошо бы отоспаться на выходных, а то суматоха последних дней почти не давала мне возможности отдохнуть.

В учительской застаю завуча Татьяну Ивановну. Вот и чудненько, у меня как раз к ней есть вопросы! Вернее, всего один. Радуется, что сейчас здесь не наблюдается той неприятной биологички, Ларисы Тимуровны. Как ни зайду, она вечно пьет кофе в учительской. А у меня с ней, наверное, какая-то психологическая непереносимость.

— Татьяна Иванова, скажите, пожалуйста. Почему некоторые воспитанники без шапок ходят? — спрашиваю завуча после недолгого обсуждения нами сегодняшнего рабочего дня. Она подозрительно на меня косится.

— Это кто, интересно?!

— Ну, я на улице видела. Кого-то из старших, со спины, — вру, слегка краснею от этого. Завуч горестно вздыхает.

— Ой, это наша боль, Тонечка, — берётся за ручку и придвигает к себе высоченную стопку тетрадей на проверку, явно собираясь поработать, — ты уж не рассказывай никому, будь добра! На прошлой неделе несколько старших воспитанников сбежали в город без спросу. Пришли побитые, грязные как черти, шапки свои растеряли где-то... подрались с городскими! Таисия Валерьевна, понятно, рада не была. Сказала, новых шапок им не выдавать пока! Да и нету у нас лишних шапок.

— Но как же нету, — у меня шок, — это ж дети! Мороз на улице.

— Не учи ученого, — перебивает она сердито, — это чтоб не шлялись где ни попадя! Пусть посидят в блоке своем, до школы им идти метров пятьдесят, не больше...

Блоками тут называют этажи в детском доме, где живут ребята всех возрастов. На первом те, что помладше, на втором и третьем — старшие. Я ещё ни разу не была в этом их блочном «общезитии», да мне и не советовали туда заглядывать. Потому что, как мне было

сказано, дети там «порой бывают неуправляемы».

Татьяна Ивановна даже предупреждала, что любого постороннего могут облить краской или водой из-за угла. Словом, чужих там не любят.

А на третьем этаже, где обитают самые старшие, даже технички убирают только когда дети на занятиях. Ночью персонал туда, по словам завуча, «носа не кажет», разве что в каких-то крайних случаях. Чего никто особо не скрывает. Можно только представить себе, какой там творится хаос!

— Да не переживай ты так, Тоня, — по-доброму усмехаясь, прибавляет Татьяна Ивановна, — есть у нас парочка крепких спонсоров. Так сказать, постоянных! Торговый дом «Арес» и магазин сантехники. Я вот уже и заявочку им дала, так что на днях шапки будут. Ну, или через неделку, в крайнем случае.

Я молча киваю ей, как бы в знак согласия. Но это так странно, что они с директором всерьез надеялись удержать подростков «дома» отсутствием шапок. Пятьдесят метров до школы в мороз — это очень немало!

Она ещё долго жалуется мне, что в блоках давно уже все ветхое и устаревшее, и что Таисии Валерьевне приходится буквально бороться за финансирование, вплоть до замены самой обычной, перегоревшей на этаже лампочки.

Выйдя из учительской, я вдруг натываюсь на внимательный, робкий взгляд одной из старших учениц, то ли поджидающей меня, то ли просто проходящей мимо по коридору. Мучительно вспоминаю ее имя, когда она, улыбнувшись, представляется мне сама:

— Здравствуйте, я Аля Зайцева! Выпускной класс.

— Здравствуй, Алечка.

Уже хочу идти дальше, обойдя ее, но она, немножко смущаясь, спрашивает, могу ли я прямо сейчас позаниматься с ней русским языком дополнительно. Озадаченная, смотрю на часы.

Вообще-то, я направлялась в уборную и хотела идти домой. Но, если так... Она торопливо, словно боясь, что откажу ей, говорит о том, что сильно отстала от программы. Я слушаю ее и что-то не припоминаю, чтобы она проявляла такой интерес к учебе на уроке.

Помню только, что почти все девочки смотрели в окна до самого звонка. И она, кажется, не входила в число этих «почти». Данил Зимин, разве что.

— Хорошо, Аля, ты хочешь начать прямо сегодня? — одобрительно улыбаюсь. Пробудившаяся в ученице тяга к знаниям не могла не польстить моему учительскому «эго».

— Да, пожалуйста, — вежливо отвечает она.

Не колеблясь больше, я завожу Алю в первый попавшийся нам пустой класс и прошу подождать меня. Радостная, бегу по своим делам и в учительскую за учебником. Решаю сделать первое занятие коротким ввиду позднего времени, да и еще, чтобы не спугнуть ее интерес к обучению. А там чем черт не шутит, вдруг у меня намечается первая отличница?!

Но время показывает, что вряд ли. Когда приступаем к занятию, я абсолютно не чувствую в ней никакого внимания! Слушает вяло, вполуха, и мой энтузиазм также быстро перегорает. Создается даже впечатление, что Аля просто отбывает повинность. Я искренне огорчена. Что не так? Может, это я плохой учитель? Когда мы уже заканчиваем, она вдруг выдаёт, ни к селу, ни к городу:

— А вы есть в ТикТоке?

Откровенно говоря, зависаю.

— Нет, — отвечаю честно. Аля достаёт телефон, с готовностью что-то мне в нем

демонстрируя:

— А вы видели там нашего Данила?

Сначала не очень понимаю, о чем речь, пока она оживлённо показывает и рассказывает:

— Смотрите, Зима! Вот его профиль...

С удивлением, я вижу больше миллиона подписчиков на его страничке. Да что он там может такое выкладывать?! И откуда у этих ребят телефоны, интернет?

— Данил Зимин очень талантливый, — продолжает объяснять она мне со странным воодушевлением, — вот, посмотрите сами, хоть пару роликов...

— А в чем конкретно он талантлив? — я тут же получаю ответ на свой вопрос, когда смотрю, как лихо Зимин отплясывает на одном из видео. Экран телефона совсем маленький и видимость так себе, но пластика движений этого парня в каком-то очень ритмичном, современном танце по типу брейкданса, очевидна. Он легко, красиво двигается в группе таких же парней, и танец их включает множество довольно сложных элементов. Это становится откровением для меня.

— Вообще-то, он поет и музыкой хочет серьезно заниматься, — говорит Аля, — но директриса запрещает ему учиться в музыкалке.

— Почему? — удивляюсь.

— Так за плохое поведение...

На одном из роликов я вполне отчетливо слышу, как Зимин поет красивым низким голосом. И это тоже что-то ритмичное, то ли рэп, то ли попса, а под видео — тысячи лайков! Искренне заинтересовываюсь.

Крутим с ней вместе в руках ее маленький дешёвый смартфон, просматривая клипы, которых у Зимина, оказывается, немало. Я стесняюсь спросить, откуда у Али телефон. Решаю уточнить потом, как-нибудь аккуратно у всезнающей Татьяны Ивановны, не выдав Алю, конечно.

Неожиданно для нас, в класс заглядывает сама директор Таисия Валерьевна! Мы дружно подпрыгиваем на месте, словно застуканные на чем-то очень нехорошем, но Аля прячет свой смартфон так ловко, что я и глазом не успеваю моргнуть.

— Что здесь происходит?! — строго смотрит на меня директриса.

— Провожу дополнительное занятие по русскому языку для Али Зайцевой, одиннадцатый Бэ, — выпаливаю. Она тут же заметно смягчается и переводит взгляд на раскрытый, давно заброшенный нами на столе учебник.

— Хорошо, Антонина Сергеевна. Но вы уже заканчивайте, Але пора на ужин! До свидания.

— Конечно, извините! До свидания, — я бросаю виноватый взгляд на свои наручные часы, но дверь за ней уже закрывается.

— Что-то засиделись мы с тобой, Аля, — тепло улыбаюсь девочке, вставая. Но меня уже грызёт червячок сомнения. Зачем она мне все это показывала?! Уж не Данил ли Зимин попросил?

— А во сколько у вас ужин? Кормят вкусно? — задаю, может быть, не самые умные вопросы, только чтобы не молчать с ней. Закрываю кабинет на ключ, оставленный техничкой, а в коридорах уже темно и пусто.

— Да. В семь, — как-то неохотно отвечает она, следуя за мной и принимаясь нахваливать Зимина по-новой.

— Уж не влюбилась ли ты в него?! — шутливо интересуюсь у нее в ответ.

Вот у нас, вроде бы, с ней и с Зиминим разница в возрасте не такая большая, но чувствую я себя оного насколько старше! С Алей, во всяком случае.

— Нет, вы что! — отвечает она, чуть ли не испуганно, — Данил просто как брат мне. Он очень хороший.

— А ты приходи ко мне ещё заниматься, Аля, — весело предлагаю, так до конца не поверив ей, — хочешь, провожу, чтоб ты не шла одна по темноте?

Она смотрит тревожно, и вот это уже кажется странным.

— Не надо вам ходить туда вечером! Спасибо, — поспешно благодарит, — тут недалеко. Я сама.

Киваю. И в самом деле, недалеко, территория закрытая. Забор повсюду. Охраны, конечно, никакой и освещение слабенькое, но — не хочет как хочет. Мне же от крыльца школы до ворот на выход отсюда, а там и до остановки, тоже рукой подать.

— Все в порядке, Аля? — зачем-то спрашиваю.

— Да.

Мне кажется, или она не уверена в том, что говорит? Что за чертовщина здесь происходит?! Я понимаю, детдом не райское место. И все же.

— Ну, тогда беги! До завтра, — подгоняю ее, чтобы не задерживалась, а сама возвращаюсь в учительскую.

Глава 5 Соскучился

Выхожу на темное, усыпанное скрипучим белым снегом крыльцо школы, вдыхая морозный воздух. И вдруг, как черт из табакерки — у подножия лестницы стоит Зимин! Дождается меня в обычной своей легкой курточке. Стоит, засунув руки без перчаток в карманы широких спортивных штанин, с какими-то китайскими иероглифами на правой. На голове — моя шапка.

Поравнявшись с ним, выдыхаю.

— Привет! — по лицу парня расплывается широченная улыбка. Как будто бы он очень рад меня видеть.

Я же беспокойно оглядываюсь по сторонам. Болезненно морщусь от того, что он по-прежнему не на «вы» со мной и без должной дистанции.

— Здравствуй, Данил, — отвечаю строго. Останавливаюсь где-то неподалеку, но он делает шаг ко мне. Инстинктивно отступаю. Это его, похоже, веселит.

— Никто не увидит! Не волнуйся, — говорит, как будто у нас тут с ним тайное свидание, — все училки давно разошлись, даже Тоська.

— Какая ещё Тоська?! — хмурюсь, притаптывая на месте от холода. Интересно, как же долго он мёрз тут в одиночестве, пока караулил меня?

— Таисия, ясно же, — улыбается, — директор этой богадельни.

— Ну, зачем ты так? Богадельня, — теряюсь, мучительно думая о том, что воспитывать его не имеет смысла. Мы всматриваемся друг в друга какое-то время, стоя напротив.

— Кстати! Передай ребятам, что шапки скоро будут. Татьяна Ивановна уже заказала.

— Да им пофиг, — отвечает он. Если честно, «пофиг» это смягченный вариант, в оригинале слово Зимина было матерным.

— А почему ты так некрасиво разговариваешь? — интересуюсь.

— Научи красиво — буду красиво! — тут же следует ответ.

— Вижу, за словом ты в карман не лезешь, — ежусь в своем толстом пуховике от порывов ледяного ветра, Данил же стоит, не меняя позы и не двигаясь. Словно ему все нипочём. Такой закалённый?

— Холодно у вас там, в детдоме, наверное?! — не могу не спросить.

— Нормально. Хочешь, экскурсию проведу? — снова улыбается.

Я невольно опять засматриваюсь на него. Наверное, интересный парень. Ребёнком уже как-то язык назвать не поворачивается. Пообщаться бы с ним, да не так, стоя на морозе, впопыхах — а в классе на уроке, например. Он неглупый, я уверена. Но адекватность Зимина, конечно, вызывает некоторые сомнения. С ним лучше постоянно быть начеку.

— Данил, а что ты здесь делаешь вообще? — спрашиваю, — у вас ведь ужин скоро. В семь?

— Просто соскучился.

— И не стыдно тебе? — я пытаюсь обогнуть его, и решительно иду к воротам. Он — за мной.

— Зимин, ну-ка быстро в блок! — по-учительски приказываю, но получается комично. Мы оба улыбаемся, приостанавливаясь.

— Ну что такое, Даня?! У тебя ж ЕГЭ через пару месяцев. Готовишься?

— Сама-то как думаешь?

Иду дальше, не выдавая своих эмоций.

— Правильно думаешь, — он и не собирается отставать, приноравливаясь к моему шагу, — я, вообще, знаешь, поступать никуда не хочу.

— Это как? В маляры или дворники пойдешь?

— Не угадала, — его улыбка хищная и обаятельная, но говорит он со мной очень доверительно, — я свою жизнь хочу связать с музыкой. И с тобой!

Дыхание перехватывает. От возмущения, конечно же. Я даже не собираюсь отвечать. Мы оба молча выходим с детдомовской территории. Направляясь к остановке, я все же не выдерживаю и бросаю ему через плечо:

— До свидания, Зимин!

— Стой, — он вдруг резко обгоняет меня, преградив собой путь. Торможу, отпрыгивая, и чуть не налетев на него.

— Это потому что я детдомовский, да?! Вообще меня не рассматриваешь?!

Он произносит это так серьезно, с болью и обидой в голосе, что мое напряжение отступает.

— Что-что?! — смеюсь, — ну, хватит чепухи, Зимин. Не рассматриваю! Но не потому, что детдомовский, а потому что ты ребенок, ясно? И не только для меня. Вообще. В принципе. Хочется тебе того или нет, но ты просто ребенок!

Крутнувшись на каблуках на сто восемьдесят градусов, почти бегу к подъезжающему к остановке автобусу.

— Ты очень сильно ошибаешься, Тошечка! — кричит Зимин мне вслед.

Глава 6 Шок

Выхожу на своей остановке. Схожу с ума от противоречивых эмоций и не знаю, как пройдут завтрашние уроки в единственном в этой школе выпускном классе. Если Данил будет и дальше себя вести так, да еще при всех, то мой учительский авторитет окажется под ударом.

А дома ждут Ирчик и Ленчик — не сказать, чтобы мои прям близкие подруги, скорее, просто девочки, с которыми удобно снимать квартиру. И не сказать, что ждут. Каждая занята своими делами, но по вечерам мы часто собираемся на кухне вместе. Давняя традиция.

Одна из девочек моя старинная приятельница, тоже учитель, но в обычной школе. Другая провизор в аптеке. Девчонки хорошие, живём с ними дружно, парней и компании домой не водим.

По уборке зон общего пользования у нас сложился чёткий график, так что поводов для ссор никаких. В холодильнике у каждой своя полочка, в шкафах своя посуда. И финансово получается красота — полная независимость от родителей!

Я своих, конечно, очень люблю, и живут они недалеко, но вместе нам тесновато, ведь я давно уже взрослая. С мамой одну кухню делить неохота, да и им спокойней без меня. С ними еще живет мой младший брат Вовчик, первокурсник, и, думается мне, будет он там жить, пока не женится. Он не особо самостоятельный.

Невольно сравниваю его и Даню Зими́на. Вот уж где контраст проявляется очень ярко! Они почти ровесники. Такие мальчишки, как Зимин, взрослеют быстро. И девчонки тоже. Жаль только, что цена этому взрослению непомерно высока. Живут себе в детдоме как цветы в поле — кто выстоял, тот окреп и выжил, кто нет, поломался навсегда. Мне поэтому еще сложно общаться с Зиминым, я очень боюсь его обидеть. Как обездоленного.

Конечно, мышление детдомовца и домашнего мальчика не сравнить. Я-то ведь тоже из домашних девочек. «Ничьи» дети слишком рано взрослеют и привыкают рассчитывать только на себя. Может быть, поэтому они во многом для нас странные. Деформированная психика, как выразилась психолог из детской комнаты милиции. Хотя, все это никоим образом не оправдывает странности Данилы Зими́на в отношении меня!

У меня же к нему складывается тоже своеобразное отношение. Какая-то адская смесь страха вперемешку с трепетом. И все же, он хороший парнишка, я чувствую. И честно спрашиваю себя — могла бы у меня возникнуть заинтересованность в нем, как в мужчине? Нет, это звучит смешно и нелепо. Несмотря на нехарактерный для его возраста напор и полное отсутствие комплексов, несмотря даже на то, что он похож на мальчика только внешне. Обычно прыщавые юнцы его возраста вечно сомневаются в себе, ищут недостатки. Боятся «обломаться». Но это не про этого человека точно. Он ведет себя как взрослый.

А парня у меня действительно нет, я не соврала ему. Были отношения, но, скорее, ни о чем, вообще ничего серьезного. Хотя, мне ведь всего только двадцать три, скоро двадцать четыре. Я знакомлюсь иногда в интернете, даже хожу на свидания. Вот только от этих встреч пока одни разочарования.

На следующий день я шла на работу в школу, волнуясь, как дурочка. Ведь в выпускном классе сегодня мне предстояло провести целых три урока, два по русскому языку и один по литературе.

Впрочем, мои переживания рассеялись как дым, когда оказалось, что Зими́на там нет.

Более того, никто из его одноклассников не смог ответить внятно, где он. Включая Алю Зайцеву. Уроки в целом прошли хорошо, но грустно в том плане, что дети совсем не старались.

Я была расстроена. Заметила, что почти у всех есть мобильные телефоны. Ребята пользовались ими в открытую, не опасаясь или попросту игнорируя меня, и не только на переменах. Конечно, я не собиралась их «сдавать», но это было неприятно. И еще, меня разбирало любопытство — откуда у них деньги на телефоны?

Когда последний урок закончился, Аля задержалась в классе. С таинственным видом, она подошла шепнуть мне, что с Данилом все в порядке.

— Да, и где же он сейчас? — спрашиваю равнодушно. Она колеблется, прежде чем ответить, — не бойся, я никому не расскажу. Снова сбежал в город?

— Ага, — робко кивает в ответ.

А я как раз мучительно раздумываю, ставить ли ему «энку» об отсутствии в классном журнале.

— Зима записывается с Соммертом, представляете?! Он приехал сюда специально, из Москвы, — доверительно, и в то же время с нескрываемым восхищением сообщает мне Аля. Шепчет, понизив голос, — только вы, пожалуйста, никому...

— Соммерт? Кто это? — я, правда, не знаю.

— Серьезно?! Ну, вы загуглите, — не унимается она, — это известный исполнитель и блогер, как вы не знаете? Они запишут совместный трек!

Смотрит во все глаза, как будто ждёт на меня аплодисментов. Как минимум.

— И что дальше?

— А дальше они разместят это среди контента Соммерта, — возбужденно разъясняет, — и пойдут просмотры, лайки, реклама! Соммерт потом поделится бабками с Зимой, а Зима выставится всему нашему этажу, а может и не только нашему... Эээ, извините, этого я вам не говорила! Мы если тусим обычно, то тихо... знаете, что такое бесшумная туса?

— Нет, если честно, — отвечаю слегка растерянно, — догадаться могу, конечно, но... Только если включить воображение.

— Ну, это, на самом деле, круто, — радостно продолжает Аля, находясь в явном предвкушении, — пацаны делают вылазку в город и приносят горы всяких вкусностей. Потом мы слушаем музыку в наушниках или смотрим фильмы, и много, много едим...

Последнее она произносит уже мечтательно.

— И часто у вас такие бесшумные тусы по ночам?

— Бывают, — отвечает уклончиво, словно спохватившись. Про спиртное или сигареты, или еще чего покрепче я уже даже не уточняю, скажет вряд ли. Наконец, она быстренько прощается со мной и, резво вскочив с места как большинство подростков, уходит.

— Приходи завтра на дополнительные, — кричу ей вслед, но так и не дожидаясь ответа.

Вот, значит, как. Соммерт! Решаю вечером загуглить информацию о нем, подробно. А заодно и посмотреть, что они там вместе с Зимой творчески наваяли. Вообще, песни и танцы Зимины мне нравятся. Абсолютно объективно, талант у него есть!

Развивать бы только, жаль что за счёт уроков. Но вдруг у него не получится, что будет делать? Участь простого рабочего — это лучшее, что ему светит в таком случае. Ещё и спиться может от безнадёги.

Всегда лучше иметь запасной план — но кто ж ему это объяснит? Ни мамы, ни папы, ни авторитета, судя по всему, у этого парня нет. А пропадать ему нельзя. Из такого безбашенного еще, чего доброго, и маньяк может получиться!

Уже собираясь домой после уроков и факультатива с младшими, я встречаю в учительской Татьяну Ивановну.

— Ну как ты, девонька? — ласково спрашивает меня она, — не устаешь с нашими хулиганами?

— Не устаю, — улыбаюсь в ответ, — ребята все замечательные.

А «энку» Зимину я все-таки вклеила! На всякий случай. Вдруг потом его отсутствие как-то откроется. Можно, конечно, сказать, что ему, к примеру, нездоровилось, по словам одноклассников, но это же все равно отсутствие.

А ребята просто отмалчивались. Может быть, даже не все знали, где был Данил на самом деле?

— Татьяна Ивановна, — я медлю немного, стоя уже на пороге, одетая на выход, — я слышала, кажется, звонок мобильного телефона в классе на перемене. Откуда у них телефоны?!

Завуч отвечает не сразу. Вздыхает.

— Ох, это тоже, Тонь, знаешь, у нас совсем не приветствуется! Мы им ни одного ещё не выдали. Кто ворует, а кто, — она разводит руками как бы в жесте бессилия, — подрабатывает где-то. В город старших пускаем редко, но они, видишь, как-то умудряются!

— А денег наличных у них не бывает?

— Нет, конечно, — смеётся, — никогда. Бог с тобой, зачем им деньги? Одеты-обуты-накормлены... Спонсоры иногда сладости присылают, и на том спасибо.

Я прощаюсь с ней, немного озадаченная. Бедные дети. Вот как так — даже денег в глаза не видели? Ну, теоретически. Тяжело же им будет входить во взрослую жизнь, они так оторваны от реальности. Самых элементарных понятий нет. То, что кажется нам часто привычным и обыденным, им недоступно.

На улице ранний вечер. Так что по дороге домой я решаю заглянуть к дяде Ване в гости, в районное отделение полиции. Сколько себя помню, в детстве нередко заходила туда, а он поил меня в своем кабинете чаем с сушками. И, хотя на работе у дядьки я не была уже давненько, не считая того похода к психологу в детскую комнату полиции, благодаря ему наш райотдел мне, можно сказать, как дом родной. Теперь он шутит, что и жениха мне здесь подыщет хорошего.

Но, сегодня мне определенно не везет! Дядя Ваня оказывается где-то на вызове, по делам службы. Зато меня заметила в коридоре и позвала к себе на кофе тетя Маша, инспектор по делам несовершеннолетних.

— Ну, Антонина, рассказывай. Как тебе работается в интернате? — весело спрашивает она сходу. Я честно выдаю, что народ там, как и предупреждали, специфический, но все далеко не так страшно и запущенно.

— Сказали, что даже классное руководство у старших со временем доверят, — решаю похвастаться.

— Молодец, — одобрительно отзывается тетя Маша. И вдруг, непонятно по какой причине, дернуло же меня спросить:

— Теть Маш, а кто-то из моих старшеклассников есть у вас сейчас на учёте?

— Ну а то, — с готовностью отзывается она, — расскажу, кто и за что, если хочешь.

Героев надо знать в лицо! Там воровство, в основном, по мелочи. «Хулиганка». Хотя есть и такие, которые в спецколонию отправились прямым из десятого класса.

Она оставляет свою недопитую чашку, встает и долго роется в больших пыльных папках, перевязанных канцелярскими веревочными бантиками.

— Вот все ваши, — бухает на стол одну из папок, — не густо пока. В прошлом году Зимина поставили на учёт, статья тяжелая. Паршин, Бондарь — мелкое хулиганство...

— А Зимин за что?! — во рту пересыхает.

— За участие в групповом изнасиловании. Сто сорок вторая, часть первая.

Глава 7 Соммерт

Тетя Маша ещё перечисляет мне каких-то ребят, не из нашего заведения. Сетует, что преступность в среде малолетних растёт. А у меня в голове мутит. Это шок, и даже боль! Я успела проникнуться к Зимину сочувствием, и ещё целой гаммой каких-то непонятных мне эмоций, включая искреннее восхищение его музыкальным талантом.

— Но почему же его не перевели в колонию? — спрашиваю растерянно, когда снова обретаю способность дышать. Он казался таким искренним, несмотря на всю эту показушную грубость. И к чему могло привести меня его предложение устроить мне поздно вечером экскурсию, в том угрюмом сером здании, называемом «блоками» для детдомовцев?

— Ну, там все не так однозначно, — пожимает она плечами, — потому и не перевели. Потерпевшая не свидетельствовала против него! Был пьяный дебош на квартире, участвовали и малолетки, в том числе Зимин. Что там произошло — точно никто не знает. На учёт его поставили у нас пока. Ты там будь осторожна с этими ребятами, хорошо? Жаль их, но уже ясно, что большинство пойдут по кривой дорожке...

— А что с девушкой?! — мое сердце частит, — кто она?

— Совершеннолетняя, слава Богу! — тетя Маша вздыхает, — и на том, как говорится, спасибо. Алкашка и дрянь социально неблагополучная. Зимин ее чуть ли не спасал, по свидетельству очевидцев, но больше похоже на сказку! Пожалела его, может быть. Представляешь сейчас по такой статье в колонию, как жизнь сложится?

— Не спас?

Она отрицательно качает головой. А у меня страшная сумятица в душе — и горько, и больно. За него почему-то тоже. Вот тебе и мальчик Даня!

— Да, представляю... тетя Маш, а что с этой девушкой? Как она это пережила?!

— Да как тебе объяснить, Тонечка, — она улыбается моей наивности, — просто. Отряхнулась и дальше пошла. На той квартире дебоши до сих пор собираются, судя по регулярным заявлениям соседей! С ней вместе. А двое из тех, что прошли по тому делу, сидят в тюрьме реальный срок! Вот так. И малолетке твоему жизнь чуть не перечеркнули... Хотя, вот спроси у них — что они там делали, а?

У меня нет ответа. Ухожу от нее домой с тяжёлым сердцем, даже не дожидаясь дядю Ваню. Бреду на каком-то совершенном автомате, не глядя по сторонам и заляпав в луже новые ботинки. Как все-таки мерзко, грязно это все! Даже если не виноват Зимин. Правда, что он делал в той квартире?

А дома меня ждёт неожиданность — сегодня ж Ленкин день рождения! Запоздало вспоминаю об этом, только увидев девчонок и накрытый стол. И мне тааак стыдно... Бросив тяжелую сумку с учебниками и тетрадками, несусь в ближайший супермаркет, невзирая на их возражения. Покупаю там самый красивый торт, шампанское. Ещё забегаю в цветочный киоск за розами для Лены.

После недолгих посиделок в привычной девичьей компании, я с нетерпением скрываюсь в своей комнате, где ищу всю возможную информацию о Соммерте. Любую.

Он и в самом деле оказывается очень известным в молодёжных кругах музыкантом! Правда, то, что он поёт — это какое-то дикое смешение стилей по типу рэпа и рок-музыки, я раньше такое не слышала. Я вообще-то в музыке не очень разбираюсь, предпочитая слушать современную попсу, да и то хиты, которые у всех на слуху.

Сердце екает, когда нахожу его новую песню в топ чартах. С Данилом Зиминим! Хотя здесь он везде значится под ником «ZIMMA». Открываю видео. Пересматриваю вновь и вновь. На личной страничке Соммерта, под этим недавно выложенным видео, уже десятки миллионов просмотров. Офигеть можно! Нет, ну реально офигеть. Данька Зимин поет всего один куплет да припевы с ним вместе, но то, как он танцует и как выглядит, мягко говоря, впечатляет. Замечаю на его полуголом теле татуировки. Красиво! Как такое возможно?! Дите ж детдомовское. Правда, через считанные месяцы он покинет свою школу-интернат, чтобы, как и остальные сверстники, войти в новую, взрослую жизнь...

В полураздетом виде ZIMMA оказывается прокачанным и фигуристым. Я люблюсь его плоским животом, рельефом перекачивающихся мышц в замысловатом танце, невольно им замороженная. Потеряв счет времени и вдруг устыдившись себя самой, резко сворачиваю ютуб.

Ложусь спать, но сон долго не идёт. Интересно, Таисия Валерьевна вообще в курсе, что один из ее воспитанников — быстро набирающая обороты, «подпольная» звезда?!

Глава 8 Местный Краш

Следующий учебный день проносится для меня как пара часов. Занимаюсь русским и литературой с малявками, в основном в четвертом и пятом классах. После уроков — факультативы и заполнение несложной отчетности в учительской. Помогаю Татьяне Ивановне разгрести завалы с документацией, работаю допоздна. Но все это приятная усталость.

Собравшись домой, я навешиваю на плечо сумку с тяжелыми ученическими тетрадками, и прощаюсь с завучем. Стоит только мне выйти из учительской и сделать несколько шагов по коридору, как передо мной «вырастает» Зимин. Оглядываюсь по сторонам. В длинных коридорах и в классах с распахнутыми дверьми давно уже пусто.

— Привет! — он с улыбкой подходит ко мне вплотную.

Однако, Зимин становится все смелее! Ждёт теперь под учительской, стоит так близко, никого не стесняясь.

Я в панике отпрыгиваю от него подальше:

— Здравствуй, Данил! Почему не был вчера на занятиях?

— Заметила? Соскучилась? — он усмехается, приближаясь снова, но теперь уже вкрадчивым таким, неспешным шажочком. Как будто не хочет спугнуть свою добычу.

Я пчусь, пока не упираюсь лопатками в стену. Знает же, что не позову завуча! Впиваюсь пальцами в ручку висящей сумки на моем плече. Глупо волнуясь, вдруг улавливаю чьи-то приближающиеся к нам шаги. Зимин же не слышит ничего, опасно нависая надо мной. Он стоит так близко, что я даже ощущаю запах его кожи и аромат чего-то мятно-конфетного.

— Слышишь, Дань, кто-то идёт! Ну, отойди, пожалуйста, — легонько отталкиваю его в сторону. Зимин усмехается:

— Тогда жду у ворот! Я провожу тебя. Отказы не принимаются.

Не успеваю я подивиться его наглости, как нашу возню у стенки замечает Лариса Тимуровна, звонко цокающая каблучками по коридору.

— Ооо, Данил Зимин, здравствуй, — почти мурлычет. Это удивляет меня.

Он дерзко игнорирует ее приветствие и, пройдя мимо, в несколько прыжков преодолевает лестничный пролёт вниз до первого этажа. Наша учительская на втором. Я тоже спешу уйти, но биологичка, поравнявшись со мной, останавливает:

— Антонина Сергеевна! У вас все в порядке?

— В полном, — сдержанно отвечаю, надеясь, что в этом рассеянном свете лампы-экономок она не разглядит мой так некстати вспыхнувший румянец.

— Приставал?! — спрашивает она неожиданно, и как бы с сочувствием.

— Нет.

— Ко мне тоже, — вздыхает, — да вы не стесняйтесь, если что! Не нужно бояться. Только скажите, и мы его сразу на педсовет! Примем меры...

Я смотрю на нее с изумлением. Меня шокировало то, что она сказала только что. Нет, Лариса Тимуровна вовсе не стара или, там, критично некрасива, но! Я бы никогда не подумала, что Зимин мог приставать к ней.

Но что, если это правда?! Мне снова становится очень не по себе. Этот гребаный Зимин не перестает подсовывать мне сюрпризы. Она, конечно, вызывает у меня большую

неприязнь, из-за которой мне бы очень хотелось списать подобное на ее большое воображение.

Но факты иногда, увы, упрямая вещь. Все вокруг меня словно кричит о том, что Данил Зимин опасен! Что лучше держаться от него подальше. Да как же мне это сделать?! Я бы и сама рада.

— Нет, спасибо за беспокойство, — бормочу, обходя ее, — у Зимина ко мне вопросы по учёбе. До свидания!

— По учебе?! Да Зимин же двоечник, — отзывается она с нескрываемой ехидцей. Мои щеки снова разгораются, но я упорно обхожу ее и иду дальше молча, так что ей не остаётся ничего другого, кроме как продолжить свой маршрут.

Испуганная и помрачневшая, с неохотой выхожу во двор. Он тут же подскакивает ко мне, засунув руки в карманы и широко улыбаясь. Я обхожу Зимина с непроницаемым лицом и иду очень быстрым шагом по направлению к воротам.

Он — за мной. Каждой своей клеточкой ощущаю исходящую от Зимина ауру угрозы, адреналин в моей крови зашкаливает.

— Что тебе сказала эта нечисть?! — спрашивает он отрывисто, догнав меня.

— Ничего. Зимин, ты русских слов не понимаешь, что ли? Оставь меня в покое.

— Расскажи! — требует он. Хватает меня за предплечье и разворачивает к себе легко, как куклу. Просто жуть!

— Ты почему пристаешь к преподавателям? К ней тоже приставал? — тем не менее, отвечаю, рывком выдираясь из захвата. Силы даже приблизительно неравны. Разговаривать с ним, по-видимому, совсем не имеет смысла. Но приходится.

— К Кобылянской? Тоже мне, образчик добродетели, — зло усмехается Данил, — она сама ко мне приставала. Пришла прямо в блок потрахаться.

Немею от шока. Все-таки, Зимин абсолютно асоциальный тип, даже если то, что он говорит, правда.

— Этого не может быть! — не веря, говорю ему твёрдо и вновь направляюсь к воротам. Мне, до сих пор девственнице, дико даже слышать такое. Учительница приходила в детдом к ученику?

— Не может быть где? В твоём идеальном мире?! — он обгоняет меня и пятится по дорожке так, чтобы видеть мое лицо.

— Зимин, — я останавливаюсь, переводя дыхание. Говорю спокойно, но чувствую, как вся уже трясусь от волнения, — ещё раз повторяю! Оставь меня в покое. Если нет, то мне придётся обратиться за помощью к директору школы! Все. Я тебя предупредила.

Выпалив это, иду дальше.

— Обращайся, я ее не боюсь, — он перегораживает собой узкий проход в калитку, вынуждая меня снова остановиться. Вижу его сузившиеся серые глаза на бледном лице, — жаль, что ты мне не веришь. Ладно, не хочешь, чтоб проводил — не буду! Посмотри музыкальную премию NON STOP Jagger Music по версии HitChannel, одного из самых раскрученных каналов на YouTube. Послезавтра. В восемь вечера.

Он произносит это достаточно медленно, чтобы я запомнила. Терпеливо ждёт моей реакции. И дожидается! Я, помимо воли, запоминаю сказанное, хотя внешне не проявляю особого любопытства.

— И что, ты там будешь? Вернее... твои клипы? — спрашиваю довольно холодно.

— Посмотри, узнаешь, — Данил загадочно улыбается, — я уже больше шести недель в

их топ чартах! В наш детдом даже журналисты приезжали. Но я ведь несовершеннолетний, а Тоська не захотела с ними общаться. И пускать ко мне тоже не захотела! Да и пофигу. Посмотришь, не за горами моя встреча с крутым продюсером, который поможет нормально подняться...

— Ты молодец, Данил, — говорю искренне, смягчаясь. Тщательно подбираю слова, — ты очень талантливый мальчик! Уверена, придет время, когда директор будет еще гордиться тобой. Может, даже табличку повесит — здесь учился Данил Зимин... А премию я посмотрю. Всего хорошего.

— Мальчик-зайчик, — смеется он, — спасибо, Тош...

Но я уже бегу, не дослушав его, на остановку опрометью. Не оборачиваясь. Там мне везёт — заскакиваю прямо на подножку подошедшего автобуса, и ловко протискиваюсь между людьми куда-то в самый конец. Незаметно смотрю сквозь заляпанное грязью стекло на его крепкую фигуру, только когда мы отъезжаем. Зимин стоит неподвижно, провожая мой автобус взглядом.

Выдыхаю. Конечно, думать об этом пацане — лишнее! Но он не дает о себе забыть. Понятное дело, я посмотрю эту музыкальную премию, ведь пообещала. Но, на самом деле я буду смотреть ее, потому что мне этого хочется.

И только! Мы с разных планет. Мы как две параллельные, которые никогда не пересекутся. Точка.

Глава 9 Ультиматум

Сегодня в моем расписании есть занятия в выпускном классе. Я иду на работу, стараясь убедить себя, что все в порядке.

Этот «порядок» во многом зависит от поведения Данила Зимина, конечно же. Надеюсь, что он придет на уроки, но будет вести себя прилично. Как остальные. Не выделяясь. Пусть даже лучше он игнорирует меня, например, смотрит в окно, как многие его одноклассники.

А может, не придет, мелькает трусливая мыслишка, от которой легче. В этом интернате, из-за нехватки учителей, в классах принято выделять целые дни на предмет или на пару предметов, по которым учитель проводит много уроков сразу. Не уверена, что для учащихся такая схема комфортна. Хотя, у них никто не спрашивает.

Сегодня в выпускном классе целых четыре моих урока — два русских языка и две литературы. То есть почти четыре часа в одном помещении с ZIMMA, пусть даже в присутствии других ребят, станет для меня тем ещё испытанием!

Утром одеваюсь поостроже и мысленно настраиваюсь. Медитирую про себя всю дорогу до интерната. Постепенно наполняюсь уверенностью в том, что я серьезная женщина, почти что классный руководитель. А они, мои ученики, обычные мальчишки и девчонки. Даже Зимин. По сути, это дети с непростыми судьбами, поэтому моя основная задача здесь поддержать и обучить их...

Мне почти удаётся. В класс я захожу с прямой спиной, максимально собранная. Одета в юбку ниже колена и в строгую блузку с длинными рукавами, которая визуальнo добавляет мне лет пять. Трусливая спасительная надежда на то, что Зимин не придет, испаряется сразу же, как только я натываюсь на пристальный взгляд его серых глаз.

— Класс, здравствуйте!

Нестройный ответный гул голосов. Многие, но ещё не все, уже сидят на своих местах. Смотрю на часы — до начала урока минут пять. Сажусь за привычный учительский стол, раскрывая журнал.

И вдруг замечаю, как класс приходит в движение! Что-то происходит. Мгновенно настораживаюсь — ребята молча выходят, все. Остаётся только один Зимин. С тихим щелчком, дверь в класс закрывается за последним, кроме нас, человеком.

Я замираю, утыкаясь взглядом в журнал, и намеренно на него не глядя. Нервно перекатываю в пальцах ручку. Что, если никто не вернется к началу урока?! Жду звонка.

Самообладание начинает покидать меня, когда он встаёт и, как в самую первую нашу встречу, садится за смежную с моим столом парту. Вернее, нагло плюхается. Именно в эту минуту раздаётся звонок, оповещающий о начале урока.

Но никто из нас двоих больше не двигается. Наконец, я поднимаю на Зимина вопросительный взгляд.

— Привет, — произносит он мягко.

— Здравствуй, Зимин, — вздыхаю.

— Ты мне очень-очень нравишься, Антонина, — выдает серьезно, — давай встречаться! Это официальное предложение.

От прозвучавшего из его уст бреда почему-то снова перехватывает дыхание, но я все равно начинаю улыбаться. Отрицательно качаю головой.

— Долго думал?

— Нет. Ну, хотя бы шанс. Один! Пожалуйста. Это так много?!

— Ооо, Зимин... В твоём случае это очень много! Просто нереально как много, — усмехаюсь.

— Обещаю заняться учёбой. Классом, всем, чем захочешь, — произносит почти в отчаянии, — хочешь, стану старостой класса?! Буду помогать тебе во всем, ходить на все уроки, не только твои...

— Данил Зимин! — я повышаю голос, — что у тебя со слухом? Я уже ответила.

— Не отвечай так сразу...

— Ты обалдел, что ли, совсем?! Предлагаешь учительнице встречаться, да еще прямо в классе? — я встаю и хлопаю тяжелым классным журналом по столу. Хочется побыть резкой.

— Выйди вон из класса, — зачем-то продолжаю с пафосом, с трудом переводя дыхание от его невозмутимости, — немедленно!

— А то что?! — спрашивает дерзко.

Я не смотрю на него. Я смотрю в окно. Боюсь, что сдаст выдержка, и могу либо опять начать угрожать директором либо вообще расплачусь тут от бессилия! Ну, я же совершенно не контролирую ситуацию, его самого. Какой из меня педагог и, тем более, классный руководитель?

Хотя, Зимин — тяжелый случай. Очень тяжелый. Медленно, с чувством собственного достоинства присаживаюсь за свой стол, и начинаю делать вид, что заполняю бумаги.

Он неожиданно наклоняется ко мне и резко дёргает за красивый атласный бант на моей блузке. Бант тут же распахивает блузку, оголяя только шею, но я хватаюсь за этот бант почти в шоке.

— Зачем ты носишь такое?

— Что ты себе позволяешь?! Какое такое?

Он с грохотом спрыгивает с парты. Смотрит весело, но со странным, диким блеском в глазах:

— Такое! Старушачье!

Не дожидаясь моего ответа, выходит из класса, с шумом распахивая дверь и даже ни разу не обернувшись. В класс постепенно стекаются ученики, не скрывая своих остролюбопытных взглядов.

А на моей душе вдруг становится холодно и пусто... Я уже злюсь на себя за то, что сначала отвечала ему на эмоциях, чересчур, а потом, наоборот, молчала. Наверное, все из-за этого дурацкого, никому в данном случае не нужного, учительского авторитета. Так называемого.

А я ведь старше этого человека почти на семь лет. Надо было успокоиться самой, и очень по-доброму, тактично, терпеливо еще раз все объяснить ему! Ключевое здесь — надо было...

Остаток дня проходит ровно, по плану. Если не считать отсутствия на уроках Зимина и моего разбалансированного им состояния, то все более чем хорошо. Судя по всему, уроки мои он больше посещать не будет. И что же мне ему поставить в конце года?! Не могу же я учить его «за шанс». Каков наглец.

Ладно, дальше будет видно — может, поставлю ему какой-нибудь балл, чуть ниже среднего. Хотя по другим предметам, насколько мне известно, он тоже не блещет. И мальчишка ведь способный изначально, по словам завуча. Что с ним не так?

Вообще, наша Татьяна Ивановна очень огорчена, что воспитанника Зимина настолько

не интересуется учеба. Школу он просто не посещает, не помогают никакие наказания. Но завуч не знает, в чем его настоящие талант и страсть. Не в курсе, чему он посвящает все свое время.

Еще, я немножко терзаюсь мыслью, что теперь тоже причастна к его «нелюбви» к обучению. Зимин ведь наверняка принципиально не захочет заниматься и другими предметами. И никакой «подушки безопасности» в виде профессии, которая сможет прокормить в будущем, у него не будет.

В тот день он впервые не поджидает меня после занятий. Я удивляюсь тому, что почему-то испытываю лёгкое разочарование от этого.

Глава 10 Аня Маркина

Несколько последующих дней проходят скучно и однообразно. Ни на занятиях, ни после них Дани Зимина в школе нет.

Лариса Тимуровна больше не лезет ко мне с советами, но смотрит подозрительно. Мне все же не очень-то верится, что Данил мог приставать к ней. Хотя, и в то, что говорил он мне, не верится тоже. Я уже совсем запуталась.

Засиживаюсь сегодня допоздна с проверкой ученических тетрадей в одном из пустующих классов. Мне просто лень тащить их домой, к тому же пришлось бы еще искать какой-то объемистый пакет, потому что в сумку я столько не уложу. Решаю проверить их все сразу, и оставить в учительской.

Краем уха слышу, как по этажам, гремя ключами и охая, ходит техничка. Закрывает классы. Быстренько заканчиваю проверку работ, отложив пару тетрадок на завтрашнее утро. Я успею с ними до начала первого урока. В какой-то момент дверь в класс начинает ритмично поскрипывать.

Поднимаю голову и, надо признаться, вздрагиваю! Из тусклого полумрака общего коридора на меня, улыбаясь беззубым ртом, смотрит девочка. С ней нас сейчас разделяет метров восемь, не больше. Она некрасива, если не сказать безобразна. На вид ей не больше десяти лет.

Заглянув в проём двери класса, она просто стоит молча. В какой-то момент дверь тоже перестаёт покачиваться, и воцаряется неприятная мне, звенящая тишина.

— Здравствуй, девочка, — обращаюсь к ней сипловатым от страха голосом. В школе уже почти везде темно и безлюдно. Я не помню этой девочки среди учениц ее возраста.

Такими поздними вечерами в коридорах школы всегда сумрачно — лампочки-экономки едва освещают выкрашенные дешёвой серой краской стены. Поэтому, силясь ее рассмотреть со своего места, ощущаю некую жуть. Не ответив, она манит меня за собой пальчиком, медленно отступая в коридор. Стараюсь не думать о том, насколько это странно.

Но в голове, как назло, начинает крутиться «кино» из фрагментов ужастиков, когда-либо виденных мною. Как сказал когда-то один мой знакомый — персонажей страшнее маленьких девочек в хоррорах ещё не придумали.

Щёлк! И ее миниатюрная ручка выключает свет в классе. Сбрасывая с себя оцепенение, я вскакиваю. К несчастью, выключатель как раз у входной двери. Теперь я просто вынуждена идти туда. В темноту.

Девочка исчезает в коридоре. Почему она поманила меня за собой жестом? Возможно, глухонемая?!

Напоминаю себе, что, в конце концов, это просто ребёнок. А я взрослая и сильная женщина. Ну, может, не такая уж сильная, но взрослая точно. Педагог, не имеющий права паниковать на ровном месте. Да еще, к тому же, в школе...

Иду за ней, забыв про оставленные на столе тетрадки и ключи от класса, забыв про все. Выхожу в плохо освещённый коридор. Она тихо смеётся, отбегая от меня подальше. Смотрит внимательно. Как зачарованная, я иду за ней, а у самой мороз по коже от звуков ее детского смешка. Могут ли глухонемые смеяться? Вряд ли.

Спускаемся на один лестничный пролёт. Да что она хочет показать мне?! Странная девочка бежит коридорами дальше, но не быстро, а так, чтобы я видела ее. Вот тут мои

нервы начинают сдавать, и я спрашиваю:

— Куда ты меня ведёшь?

Мой голос звучит гулко и странно в этой почти абсолютной тишине. Она не отвечает, но оборачивается.

— Чего ты хочешь, девочка? — снова окликаю ее.

Последний вестибюль перед выходом из школы освещён чуть получше. Я резко ускоряю шаг в попытке разглядеть ее как следует, и даже уже почти догоняю, как вдруг она ловко шмыгает за тяжелые двери куда-то на улицу.

Я — за ней! Но на улице холодина, а я только в кофте и брюках. Девочка, кажется, тоже в чем-то легком, без шапки. Сперва я как будто совсем теряю ее из виду. Потом замечаю, как она машет мне и изо всех ног бежит по направлению к блокам. Что это ещё за малолетняя хулиганка?!

До блоков — жилого дома детдомовцев, недалеко. Решившись, двигаю за ней. Вот сейчас как поймаю!

Но девочка исчезает сразу за дверью детдома. Такое впечатление, что она просто открыла дверь и пропала. Теперь я захожу в абсолютно пустой вестибюль.

— Сюда, — слышу тихий тонкий голосок.

Смотрю, и чуть не подпрыгиваю от увиденного! Это она же, только стоит на лестнице, ведущей на второй этаж. Как она перемещается так быстро?

— Да что ж такое... Как тебя зовут?! — вскрикиваю, спеша за ней. Но она прикладывает палец к губам, словно желая, чтобы я не шумела.

— Аня Маркина, — отвечает, и скрывается в одном из ответвлений коридора уже окончательно.

У меня уже не остается страха, только беспомощность и злость. Вернее, я очень рассержена ее поведением. Озираюсь по сторонам. Ну, и что я здесь делаю, спрашивается? Зачем бежала за ней через снега?

Раздаются чьи-то смешки. Из комнат начинают выглядывать детдомовцы самых разных возрастов. Никаких взрослых из числа персонала здесь, увы, не наблюдается, что было ожидаемо. Ну как руководство может так спокойно оставлять этих детей одних на ночь?!

Дедушка-школьный сторож, насколько мне известно, уже сладко спит, полупьяный, в своей каптерке.

Развернувшись, я уже собираюсь выходить из детдома, когда передо мной неожиданно возникает рослая фигура Зимина.

Глава 11 Поцелуй

Одетый в какую-то выдавшую виды темную футболку и такие же тренировочные штаны со «страшными» рисунками из японского аниме с иероглифами вперемешку, он стоит передо мной как вкопанный. Выглядит бледным, взъерошенным.

— Привет! Ты ко мне? — спрашивает странно. Тут же радостно хватая за руку и, не дав опомниться, затаскивает в ближайшую узкую комнатенку, сплошь заставленную застеленными детскими кроватями. Закрывает дверь.

Я осматриваюсь по сторонам, несмотря на пикантность ситуации. Вокруг, в комнате — нищета и разруха. Лампочки без плафонов, постельное бельё хоть и чистое по виду, но серенькое, старое. Мебель самая простая, чтобы не сказать древняя, а окна, судя по рамам, тоже не менялись лет сто.

И холодно. По моим ощущениям — не больше семнадцати, восемнадцати градусов! Зябко обхватив себя руками, я прохаживаюсь взад-вперед по комнате. Затем поворачиваюсь к нему. Зимин наблюдает за мной молча, сощурившись, а на его губах расплывается хитрющая улыбка.

С удивлением подмечаю, что мне не так уж некомфортно в его обществе. Сейчас я даже испытываю некоторую надежду, что мы сможем нормально поговорить, раз уж я здесь, по-доброму и, может быть, помириться с ним, если это слово вообще уместно.

Конечно, я смотрела ту самую музыкальную премию! Даже с учетом немалого количества других исполнителей, призер-ZIMMA меня впечатлил однозначно. Если он будет и дальше так завоевывать интернет-площадки, то я, пожалуй, соглашусь, что учиться ему чему-то, кроме музыки, не нужно. Он был крут. И есть. Это правда!

Продолжаем неловко молчать. Чтобы как-то разрядить атмосферу, тепло улыбаюсь ему. Так хочется похвалить Зимина за его достижения, за награду, которая была завоевана им достойно и абсолютно по-честному. Но, только я собираюсь с мыслями, как он в своей привычной манере подходит ко мне чересчур близко. Буквально дышит в лицо.

— Мне сказали, ты пришла ко мне. Я рад! — говорит, пожирая горящим взглядом.

— Кто сказал? — удивляюсь.

— Неважно, — отвечает он, мгновенно успокаиваясь, мазнув взглядом по моим губам и ниже.

— Знаешь, Данил, я вообще-то собираюсь возвращаться в школу, — только начинаю говорить ему, как вдруг он дерзко припирает меня к стенке и кладёт руки мне на талию.

— Давай поцелуемся? — предлагает.

Замираю. И вспоминаю, что мы одни в закрытой комнате! В детдоме, без единого взрослого. Зимин выше и сильнее меня, а еще, он состоит на учете по подозрению за участие в групповом изнасиловании.

Или, если посмотреть на это чуть по-другому — зайти сейчас сюда кто-то из персонала, а может и сама директор, как я выгляжу со стороны?! Что тут можно сказать в свое оправдание? Пришла поздним вечером в детдом и стою, обнимаюсь с мальчиком за закрытой дверью. Детдомовцы, оказывается, бывают удивительно солидарны — к нам в комнату никто не стучит и не заглядывает.

Волнуясь, я поспешно кладу свои руки поверх его рук, останавливая.

— Ты че творишь, Зимин?! — делаю слабую попытку освободиться, схватившись за его

твердые, теплые пальцы в стремлении оторвать от себя, — это что такое...

— Училку выключи, — просит он. И добавляет, — пожалуйста...

Зимин больше ничего не делает. Но и не выпускает меня из своего медвежьего захвата. Наклоняется, касаясь горячими губами кожи моего лица и опалая горьковатым мятным дыханием. Жарко целует в щеку. Я снова вся цепенею от нахлынувших чувств и эмоций.

— Не бойся! — тихо приказывает.

Глядит на меня как зачарованный. Я и сама почему-то просто стою, ожидая, что будет дальше. Не понятно, как он это делает, но на какие-то мгновения словно подчиняет меня себе. Мне совсем не хочется сопротивляться. Мы не целуемся, просто находимся рядом, все еще держась друг за друга. Но, я как будто растворяюсь в нем сейчас так же, как и он, вдыхающий мой запах, во мне. По телу прокатывается волна мурашек, когда Зимин так же резко отступает от меня первым. Убирает руки.

— Все, я уже отпустил тебя, — легонько толкает. Выхожу из ступора.

— Что, так понравилось?! — он делает паузу. Хищно ухмыляется, — обниматься...

— Ну, ты и псих, Зимин! — вырывается у меня. Немедленно разворачиваюсь и пулей вылетаю из комнаты.

Перевожу дух только на крыльце детдома. Уходя, оглядываюсь и вижу в окнах любопытствующие детские мордашки. В потемках добираюсь до школы. Нахожу оставленный класс и свои вещи, машинально закрываю его на ключ. Затем иду в учительскую за верхней одеждой, чтобы, наконец, в растрепанных чувствах покинуть территорию детдома.

Глава 12 Котёнок

Несмотря на дикую загруженность последующих дней, связанную с подготовкой к проведению в школе ЕГЭ — единого государственного экзамена по русскому языку, я много думаю о Даниле Зимине.

Во мне борются очень противоречивые чувства. Он уже давно не посещает мои уроки, а я запретила себе чувствовать вину за это. Никакого общения между нами теперь просто нет. Естественно, будет жаль, если Зимин покажет плохой уровень знаний на ЕГЭ, но это его выбор.

Мне известно, что он продолжает выдавать в медийное пространство треки, как горячие пирожки, покоряя вершины и рейтинги каких-то там хит-парадов. Но не особо слежу за этим — некогда.

Еще, мне не даёт покоя мысль о той странной девочке, Ане Маркиной! Это стало страшным для меня из-за одной ситуации, после которой кажется, что я, может быть, схожу с ума.

Дело в том, что однажды, на днях, я решилась и подловила в одном из коридоров Татьяну Ивановну, чтобы задать ей вопрос об этой девочке. В учительской завуч обычно очень занята, да еще и постоянно присутствуют другие учителя.

От ее ответа меня мороз продрал по коже — двенадцатилетняя Аня Маркина умерла в прошлом году. Завуч ответила коротко, без подробностей. Да они и не нужны, иначе я сойду с ума уже точно. Мне тогда даже стало нехорошо.

Могла ли я видеть призрак в тот злополучный день?! И не придёт ли он ко мне ещё раз? Если да, то боюсь, что просто хлопнусь в обморок от ужаса. Я вообще трусиха, а тут такое! Впервые в жизни.

Одно время мне очень хотелось рассказать о ней дяде Ване. Он-то, в отличие от меня, реалист и прагматик. Но, я то никак не могла застать его на рабочем месте, а разговор не телефонный, то потом просто стало как-то не до того.

И вот, только-только я пытаюсь взять себя в руки и начать работать спокойно, как ещё тот рыжий хам из выпускного класса активизировался! Тот самый, которого когда-то на первом моем уроке так хорошо осадил Зимин.

Теперь он почти на каждом занятии норовит поддеть меня при одноклассниках. Мелет какую-то чушь на тему того, что я якобы когда-то дала надежду Зимину на отношения, а потом «кинула».

Спустя пару недель подобного троллинга, я поняла, что очень устала от этого идиота. Хотя знаю, что шила в мешке не утаишь — Зимин действительно вел себя по отношению ко мне весьма недвусмысленно. В таких небольших и закрытых коллективах, как школа или детдом, подобное помнят долго.

В день ЕГЭ по русскому я, вконец измаявшаяся, вдруг увидела его в числе явившихся на экзамен. Это стало хотя бы небольшим облегчением его участи — если бы он «просквозил» такой важный экзамен, ему бы точно не простили. Даже результаты не так важны, как сам факт присутствия.

Обстановка в школе в тот день предусматривалась как особо торжественная. В огромном и холодном спортивном зале для одного маленького по численности класса зачем-то выставили парты, стулья и накрытый белой скатертью длинный стол.

Стол, само собой, предназначен для экзаменационной комиссии. Увенчивает его неуместная и громоздкая хрустальная ваза с красными розами. Но всем учителям эта обстановка нравится, или же они делают вид.

Войдя, я только мельком взглянула на небрежно развалившегося за партой, одетого в черную толстовку с кислотно-ярким принтом Зими́на. Он же, не стесняясь, начинает «поедать» меня глазами. Ведет себя так, как будто мы здесь одни.

Жаль, что Зимин не подозревает о моей задумке попытаться хоть как-нибудь, незаметно подсказать ему по тестам. Теперь этот план точно провален.

Не выдержав игру «в гляделки» первой и боясь быть замеченной в таком пристальном внимании ко мне со стороны ученика другими членами экзаменационной комиссии, я позорно сбегая из зала под предлогом принести еще ручек и чистой бумаги из учительской. Не хватало еще, чтобы подумали, что мы с ним в сговоре!

В учительскую я все же захожу, и несколько минут просто стою у окна. Наблюдаю издалека за младшей школьной группой во дворе детдома. Оборачиваюсь из-за странного ощущения, как будто на меня кто-то смотрит. В проёме открытой двери стоит Зимин.

— Ты что тут делаешь?! — вздрагиваю.

— Я думал, ты хотела поговорить, — откликается он, запросто заходя в учительскую. Феерическая наглость.

— Я? С чего вдруг?

— Ну, ты посмотрела... на меня... и ушла, — неторопливо объясняет.

— Потому что ты пялился на меня как ненормальный, — перехожу на сердитый шепот, — а я тебе подсказать хотела, между прочим. Как тебя отпустили?

— А я уже закончил, — он улыбается, — и сдал работу.

Смотрю на него в удивлении, на такого спокойного и безмятежного. Конечно, что ему уже этот интернат? Сегодня все ученики здесь в блузках и светлых рубашечках, хоть и в казенных, страшеньких. А он один как вечный анархист, в черных джинсах и в такой вызывающей черной толстовке с капюшоном.

Внезапно в учительскую забегают завуч. Мне делается не по себе от неловкости ситуации, Зими́ну же, как обычно, все равно.

— Это ещё что такое?! — вскидывается она на него, — в учительскую нельзя заходить. Ты разве не знал? Чего тебе?

— Ничего, — дерзко отвечает он и выходит. Она вопросительно смотрит на меня, а я только развожу руками.

— Сказал, что уже сдал работу. Спрашивал, можно ли домой, — выдаю ей первое, что приходит на ум.

— Зимин мало того, что плевать хотел на высокую комиссию из городского отдела образования, — закипает, как чайник, Татьяна Ивановна, — положил бланк, кое-как заполненный и все, справился! Так ещё расхаживает тут. А в учительской документы, между прочим. И личные вещи преподавателей!

Я стою как истукан, совершенно не представляя, что на это все можно ответить. Добавляю зачем-то, что Зимин уточнял, когда будут результаты.

— Какие результаты? У него бланк пустой, галочки за минуту «от фонаря» наставил, — продолжает возмущаться она, — дворник он будущий, вот кто! И алкаш, попомните мое слово. А вы-то, кстати, почему не на ЕГЭ, Антонина Сергеевна?

Теперь она смотрит уже на меня с подозрением.

— Извините, я как раз собиралась идти, — выпаливаю, собирая запасные ручки и бумагу, — вот, вдруг кому-то понадобится. Уже бегу!

Что я, собственно, и делаю, пока она провожает меня недоверчивым взглядом. В одном из поворотов коридора резко торможу оттого, что кто-то хватает меня за запястье и сильно дергает на себя. Затягивает в пустой класс. Мне даже не приходится гадать, кто это! Бешусь.

— Ты, я вижу, никак не угомонишься?! — хмуро смотрю на Зимина исподлобья, — хочешь, чтобы меня уволили отсюда со скандалом?

— Тише, — он закрывает за нами дверь, — не ори так.

— А ну-ка выпусти, Зимин, я тороплюсь, — говорю ему серьезно.

— Но мы не договорили...

Игнорируя его, я возмущенно разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов и иду к окну. Там меня парализует.

Я вижу на заднем дворе школы ту маленькую кошмарную девочку, Аню Маркину, играющей среди детей. Большеголовая, несуразная, в каком-то заношенном тряпье, она просто стоит посреди двора и беззубо улыбается.

Данил неслышно подходит и встает где-то рядом. Девочка явно замечает его, и приветственно взмахивает ему рукой. Глядит прямо в наше окно. Я стою, оцепеневшая, наблюдая, как он машет ей в ответ. Потом оборачивается ко мне.

— Тош, ты в порядке? — искренне удивляется моему побледневшему виду.

— Кто это? — я указываю на девочку одними глазами, боясь шелохнуться.

— Это? Котёнок, — он как-то тепло усмехается, — а ты че, котенка, что ли, испугалась?

— Какой ещё котенок?

— Катя Иваковская.

— Как... Катя?! А не Аня Маркина?

— Это она тебе сказала, что Аня Маркина?! Жестко, — Зимин смеётся, — боялась, наверное, чтобы ты ее не нашла потом. И чтоб не наказали. Это она позвала тебя ко мне, ну, в тот день... Я не просил — честно!

— Да зачем? — обалдеваю.

— Хотела помочь! Видела, как меня кроет, — снова смотрит пристально, — и все знали, из-за кого. Прикинь...

Я намеренно пропускаю мимо ушей его последнюю фразу.

— А почему она в школе не учится со всеми?! Что-то я ее не помню среди учащихся.

— Потому что их отдельно учат.

— Кого это их?

— Таких, как она. Больных детей, — он разъясняет на удивление терпеливо, — у них одна училка по всем предметам, и одна группа всех возрастов. Ты бы ее по-любому сама никак не нашла.

На какое-то время мы оба замолкаем. Вот так все мои мистические страхи Зимин разом сваливает, как тяжелый камень с души! Остаются лишь жалость и сочувствие к этому больному, добросердечному Котёнку, которая так нелепо и своеобразно, но, видимо, от души попыталась помочь Данилу.

— Ты знаешь, она вообще-то нормальная девчонка! — вдруг говорит Зимин, и от этих его слов во мне просыпается даже что-то вроде нежности к нему. Это настолько трогательно, что я, в свою очередь, признаюсь:

— Слушай, а я-то! Если бы ты только знал, каких я себе «мультиков» на эту тему

накрутила! Еще бы чуть-чуть, и мне бы начали сниться кошмары...

Он ласково хмыкает, придвигаясь ко мне поближе. И, видимо, собирается пошутить или сказать что-то ободряющее, как дверь в класс открывается. Немая сцена! В проеме двери завуч с открытым ртом, и мы с Зиминым рядышком, у окна.

Глава 13 Жесть

— Ээ... Татьяна Ивановна, мы... Вернее, Зимин попросил меня о консультации! — вру я, конечно, слабенько.

Она хмурится. Перебивает меня:

— Антонина Сергеевна! Я проработала в этом заведении больше пятнадцати лет. Скажите, уж будьте любезны. Похожа я на дуру?!

Тушуюсь. Искоса смотрю на Даню, а его душит смех. Это ужасно. Сколько еще он будет так подставлять меня?

— Зимин, вы уже получили ответы на свои вопросы? — спрашиваю его холодно.

— Ну, вообще-то, нет, — ухмыляется он.

И это все при завуче! Он безбашенный. Совсем. Ненормальный. Стоим, уставившись друг на друга, а Татьяна Ивановна, очевидно, устав ждать, пока я отойду от шока, просто закрывает дверь.

И я снова в бешенстве. Влепить бы ему как следует, но, взглянув в бесстыжие серые глаза, решаю больше даже не разговаривать с ним. Молча разворачиваюсь к двери, но он ловко, жестко хватает меня за локоть.

— Не смей ко мне прикасаться! — шиплю. В Зимине бесит все, особенно невесть откуда взявшаяся привычка трогать меня. С силой хватаюсь за его пальцы, отлепляя от себя, и он почему-то вдруг меняется, превращаясь из нахального во взволнованного.

— Зимин, не зли меня, — обессиленно прошу. Вместо ответа он берет меня за руки, очень нежно, и поворачивает к себе лицом. От простого соприкосновения наших рук отчего-то прошибает током.

— А то что? — тихо интересуется.

— Тебе не понравится, — блефую. Это странно, но я ни капельки не боюсь его. Хотя, наверное, надо бы!

— А если мне уже не нравится? То, что ты не хочешь даже поговорить. Не подходит в школе — назови время и место где, — просит.

Я выдираю пальцы из его цепких ручонок, и все-таки выбегаю из класса. На пороге оборачиваюсь:

— А я вообще нигде не хочу разговаривать с тобой Зимин, ясно?!

— Ты врешь! Я чувствую, — доносится мне вслед, но я уже спешу в спортзал, где проходит ЕГЭ, да так, словно за мной черти гонятся.

В довершение ко всему, ломаю каблук прямо перед дверью. Ничем, впрочем, не выдав этого, с дежурной улыбкой подхожу к своему месту за длинным столом. Сажусь, пытаюсь хоть как-то привести мысли в порядок. Каблук предательски шатается, готовый отпасть в любой момент.

С головой ухожу в заполнение лежащей передо мной на столе документации. Переключиться удается, но все же следующие два часа томительного ожидания до окончательной сдачи работ даются мне с трудом.

Похоже, Зимину удалось опозорить меня перед завучем — теперь она даже не смотрит в мою сторону. Но зато и не ругает, всецело занятая делами экзаменационной комиссии. С неодобрением замечает, как я припадаю на одну ногу со сбитым каблуком, когда помогаю учителям убрать со столов после окончания экзамена.

Последние ученики выходят из зала, а мы, учительский состав плюс комиссия, с папками в руках поднимаемся на второй этаж. Там к нам присоединяется Лилечка, секретарь директора школы, предлагая сделать перерыв и выпить чаю в столовой.

Это предложение, конечно, рассчитано в первую очередь на прибывшую к нам из городского отдела народного образования (Гороно) комиссию в количестве трех членов. Они спешат в свой Гороно, но не отказываются.

Оставив в учительской всю документацию, включая заполненные бланки ЕГЭ с мокрыми печатями, мы дружно перемещаемся в столовую. А там уже все готово. Накрыт обильный обеденный стол, за который директор любезно рассаживает всех самолично, а я, совершенно вымученная почти оторванным каблуком, по пути в столовую захожу к нашей техничке, тётё Варе.

Это душевная пожилая женщина, очень доброжелательно ко мне настроенная. А поскольку у нас с ней примерно один размер обуви и мне больше не к кому обратиться, я прошу у нее на пару часиков, до конца рабочего дня одолжить мне ботиночки. Я знаю, что у тети Вари в подсобке всегда есть запасная верхняя одежда и обувь, уж Бог знает зачем.

И она оправдывает мои ожидания. Радостно переобувшись в ничем не примечательную, но добротную обувь вместо своих изувеченных сапог, я бегу в школьную столовую.

После комплексного обеда и чая с пирожными мы, насытившиеся и расслабленные, поднимаемся из-за стола, как вдруг раздаётся крик.

К нам в ужасе бежит Лиля. Размахивает руками:

— В учительской! Пожар! Дверь не открывается! Есть там кто?!

Шокированные, чуть ли не толкаясь и сбивая друг дружку, все гурьбой спешим туда. Из-под двери в учительскую уже валит густой едкий дым, а внутри что-то потрескивает. Лиля звонит в пожарную часть, а на директора, Таисию Валерьевну, больно смотреть. Она мечется под дверью, не в силах больше ничего предпринять до приезда пожарных.

— Слава Богу, хоть людей в учительской нет! Не должно быть, — повторяет как мантру.

Пожарные приезжают примерно через полчаса, когда оставленные на столе ЕГЭ-шные бланки сгорают, вероятно, дотла, вместе со столами.

Это большое ЧП! Его масштаб настолько серьезен, что следом за пожарными побелевшая от ужаса Лиля вызывает и полицию, по приказу директора. Вот они-то прибывают оперативно.

Все мы, понятно, буквально раздавлены происшедшим. Как это случилось, почему?! Одни вопросы. Ответы на них ищут стражи правопорядка, методично допрашивая очевидцев.

Пожарные выламывают обугленную дверь, а за ней — кошмар. Выгорело почти все. Стёкла, закопченные до невозможности, полностью чёрные. Хорошо только одно — человеческих жертв точно нет!

Но, уголовное дело возбуждается. Я даже знаю в лицо прибывшего следователя, он тоже узнает меня и буднично передаёт, что вызовет на днях для дачи свидетельских показаний, но не повесткой, как остальных, а через дядю Ваню.

Комиссия отбывает в Гороно без единого документа по ЕГЭ в нашей школе, и в полнейшей прострации.

Глава 14 Ещё жёстче

А дальше события разворачиваются с ошеломляющей скоростью. В учительской находят следы поджога и чей-то целенький, почти не обгоревший мобильный телефон. Довольно быстро устанавливают, чей — ученика выпускного класса нашей школы Данила Зимина.

Это шок! Я живу как во сне все последующие дни, потому что не верю, что Данил способен на такое. Хочу пойти в блоки и поговорить с ним, но узнаю, что его уже забрали прямо оттуда. И теперь Данил находится в следственном изоляторе полиции. Более того, останется там вплоть до выяснения всех обстоятельств дела.

Я как раз веду урок в одном из классов, когда мне звонит дядя Ваня. Ввиду чрезвычайных обстоятельств недавних событий, отвечаю ему прямо посреди урока. Извинившись перед своими пятиклашками, выхожу за дверь.

— Да, дядь Вань?

— Антонина, привет, — слышу по тону, что он сердит и озадачен, — а ну-ка дуй ко мне сразу после работы.

— А что случилось, дядь Вань?! Здравствуйте.

— Что-что! Ничего хорошего, — ворчит, — ты все равно нужна майору Сидорову, так что приходи. Расскажем.

Кладет трубку. Его звонок, кажется, не предвещает ничего хорошего. Со вздохом, я возвращаюсь в класс. Майор Сидоров — тот самый следователь, которые ведёт дело о поджоге в школе. Формально дядя Ваня не имеет, конечно, к этому делу никакого отношения, но в нашем маленьком городке оно уже приобрело такой резонанс, что абсолютно все сотрудники полиции в курсе. О поджоге написали даже в местной газете.

Дядя Ваня в курсе больше остальных в связи с тем, что теперь и я там тоже задействована, так или иначе. Сразу же после уроков мчусь в городское отделение полиции.

— Валерий Геннадьевич тебе всех карт, естественно, не сдаст, но это сделаю я, — грустно усмехается мой дядя. Давненько же я не видела его таким серьезным, — нарушу, так сказать! Потому что в вашем школьном деле вскрылись новые обстоятельства.

— Какие? Не томите, дядь Вань, — нервничаю. Мы секретничаем с ним в кабинете только вдвоём. Ещё один занимаемый здесь сотрудником стол пока пуст — человек в командировке. Но разговариваем тихо, как будто нас тут могут подслушать.

— Нашли-то телефончик Зимина аккуратно под металлическим сейфом, так чтоб наверняка не сгорел! Кто-то прямо постарался его туда подальше засунуть. Так телефоны случайно не теряют, Тонечка. И вот тебе свежая рабочая версия — Зимина кто-то очень хочет подставить. Вопрос, кто? И с какой целью?

Пытливо смотрит на меня, а затем с улыбкой продолжает:

— Тебя я, племяшка, знаю, потому уверен, что не ты! Хотя, должен сказать, слухи у вас в интернате уже огого какие на этот счёт ходят.

— Да в смысле?! — опешиваю.

— В коромысле! Кое-кто из твоих коллег уже дал показания, что у вас с Зиминим были своеобразные отношения и, возможно, конфликт. Давний. Якобы именно ты могла спровоцировать его на хулиганские действия! Он у них и без того, мягко говоря, не пай-мальчик, но его выходка могла иметь целью как-то заслужить твое внимание. И в учительской его накануне видели. А ну-ка, скажи — был у вас конфликт? Или роман?!

— Нет, нет, — я пугаюсь от его предположений, — и вообще, то, что Данил не виноват, я уверена. Ну, подкатывал он ко мне, дядь Вань, было, да! Грубоватый, странный мальчик — тоже да, но детдом есть детдом, сами понимаете. Откуда им там нежными быть? Но я не думаю, что он заходил в учительскую, чтобы устроить поджог. Мы с ним в тот день там поговорили и вышли, завуч еще оставалась...

— Значит, этот детдомовский пристаивал к тебе, и ты молчала?! — свирепеет он, — почему сразу не сказала мне? Я бы на него управу нашёл. Ты знаешь, по какой статье он у нас на учете?

— Да знаю я все! Ну, дядь Вань, — с досадой перебиваю, — нормальный он пацан. Поверьте. Я ж тоже не дура какая-нибудь... Просто влюбился, увлекся, ерунда, пройдет! У подростков такое бывает.

— Как у тебя все просто! — заключает он.

— И не виноват он по той статье, мне тетя Маша из детской комнаты милиции говорила. Вина не доказана.

— Там не виноват, тут не виноват, — дядя Ваня раздражается, — ты откуда так хорошо его знаешь, Антонина?! Может, и сама влюбилась?

— Ну, вы как скажете, — я слегка краснею от его предположения, и складываю руки на груди в молитвенном жесте, — выключите следователя, пожалуйста. Что дальше?

— Я-то выключу, зато Сидоров включит! — хмыкает, — и устроит вам обоим по полной! Ладно. Дальше. Телефон обгорел, но не так, как рассчитывал злоумышленник.

— Что значит не так?

— А возможность «снять пальчики» с него осталась! Будет теперь Сидоров дактилоскопию вам устраивать. Снимет отпечатки пальцев у всех учителей и учеников постарше начальных классов, пока не установит, чьи там ещё есть, кроме Зимина. Теперь ясно?

— Ясно, — киваю.

И радуюсь. Сказанное им означает, что я не ошиблась и Данька Зимин невиновен! За подобное он бы точно угодил в колонию для несовершеннолетних преступников. А уж там, я уверена, нет ни малейшей возможности заниматься музыкой, и это не говоря уже обо всех прочих «прелестях» пребывания в колонии.

Дядя Ваня замечает выражение счастья на моем лице, и оно ему явно не нравится.

— Теперь тебе, Тонечка, к Сидорову, в десятый кабинет. Сдашь там пальчики...

Я уже с готовностью подрываюсь с места, как вдруг его служебный телефон звонит. Он поднимает трубку, коротко разговаривает с кем-то. Хмурится.

— А вы мне, кстати, свидание в СИЗО с ним устроить сможете? — довольная интересуюсь, когда он кладет трубку.

— Зимин сбежал из СИЗО! — сообщает дядя Ваня отрывисто, — это очень плохо, Тоня. Повисает недолгое молчание. Я, мягко сказать, ошарашена.

— Он как будто сам расписался этим побегом в том, что виноват, — добавляет дядя Ваня, — идиот! Своими руками судьбу себе ломает.

Опять недолго молчим.

— Ты это, знаешь что, Тонь... Верни его в СИЗО, если сможешь.

— Ого. Но как?! — я снова сажусь на стул перед ним.

— После колонии среди малолетних ублюдков мало кто потом поднимается, — разъясняет он жёстко, — я уже слышан немного о том, что парень талантливый. И ты

говоришь, хороший. Будет жаль! Есть у тебя его контакты? Где он может быть? Подумай.

— Я не знаю, — отвечаю ему почти в отчаянии, — у нас с ним, правда, нет никакого романа! И контактов. Мне просто жаль его, по-человечески. Но я готова, я хочу помочь! Вот только как?

— Подумай, куда он мог сбежать. Спроси у близких друзей мальчика! Вряд ли у него есть много вариантов. Если найдётся телефон или адрес — позвони или съезди, хочешь, я с тобой?

— Нет, что вы! С вами он не будет разговаривать. Я ж его немножко знаю, мой ведь ученик. Хмм... если бы вы только видели, какие ему места и премии дают в интернет-пространстве, вы бы удивились! Из него, правда, может получиться самая настоящая звезда в будущем.

— Если у него есть это будущее. Ну, попробуй тогда сама! Убеди вернуться добровольно. Если он вернется сегодня до ночи — попробуем уговорить начальство, чтобы закрыли глаза на побег, и даже документально аннулируем...

— Поняла! — снова вскакиваю, — сделаю все возможное.

— Ты скажи, что его не считают виноватым.

— Скажу! Спасибо, дядь Вань...

— Антонина, стой, — строго окликает, когда я уже хватаюсь за ручку двери, — все сказанное строго между нами. И к Сидорову сначала зайди!

Глава 15 Шпионаж

Уже в сумерках, я подхожу к зданию детдома. К блокам. На первом этаже, почти под дверью, сидит и вяжет на спицах в мягком свете настольной лампы наша вторая школьная техничка, баба Валя. Когда и зачем тут успели поставить стол? Хотя, наверное, это правильно.

Какой-никакой, а все же надзор за теми, кто входит и выходит отсюда, особенно ночью. Мальчишки-старшекласники давно уже бесконтрольно бегают, куда хотят, в город по своим делам. Со времени чрезвычайного происшествия бдительность в детдоме была усилена.

— Заходить никому не велено, Антонина Сергеевна! — немедленно реагирует она на мое робкое «Добрый вечер», — и выходить тоже. До утра.

— Да я и не собиралась, — делаю лицо просительницы, — позовите мне Алю Зайцеву, пожалуйста.

Она вздыхает и поджимает губы. Понятно, что идти и звать кого-то из детей ей неохота. Да и директор, наверное, дала какие-то четкие указания, куда Антонина Сергеевна со своими просьбами явно не вписывается.

— А я пока вам за чем-то вкусненьким к чаю сбегаяю, — заискивающе прошу. Поколебавшись немного, баба Валя сменяет гнев на милость. Говорит, что это совсем необязательно. Но я, спотыкаясь впотьмах, уже спешу в ближайший круглосуточный маркет.

Когда возвращаюсь, Аля уже ждет меня. Я даю ей одну коробочку конфет, а другую тихонько кладу на стол бабе Вале. Отвожу Алю в сторонку.

Техничка радуется конфетам, но заметно настораживается. Мы недолго беседуем под ее тайным наблюдением, когда она только делает вид, что читает газету и, видимо, пытается подслушать, отложив свое вязание.

Им обоим одинаково интересно, к чему эта встреча. Как могу осторожно, я задаю ей свой вопрос. Но мне не везет — я не получаю никакой информации.

Аля клянется, что ей неизвестно, где может находиться Данил. К сожалению, обратиться мне больше не к кому. Не Котенка же вызывать на разговор?! Огорченная, я беру с девочки слово, что о моем вопросе никто не узнает, и вручаю ей первый попавшийся учебник из моей сумки.

— Скажи бабе Вале, что к поступлению в институт готовишься, книжку просила, — говорю ей на прощание, — отдашь потом.

Прощаюсь и ухожу. В сгущающихся сумерках медленно плетусь к остановке. Это ужасно, но я, похоже, ничем не смогу помочь ему. Чувствую себя паршиво.

Автобуса долго нет, людей тоже. Я мерзну, стоя на одном месте и размышляя, прокручивая в голове разные варианты, как вдруг, в неверном свете уличного фонаря, замечаю чью-то длинную тень.

Тень, а вернее человек, выскальзывает откуда-то из ворот детдома. Он неспешно движется в город по тротуару, крепко прижав к себе небольшую спортивную сумку. И вот тут во мне просыпается дух авантюризма!

Стараясь не привлекать к себе внимания, я иду за ним на очень приличном расстоянии. Сегодня это легко — я в кроссовках и в легкой куртке. А баба Валя-то с новой должностью охранника явно не справляется!

Идущий впереди меня — воспитанник детдома. Однозначно парень, старшекласник,

точнее я отсюда я не вижу. Запрыгивает в остановившуюся маршрутку. Боясь потерять его из виду и почувствовав азарт, торможу попутку. Вообще, это рискованное мероприятие, обычно я так не делаю.

Но сегодня необычный день. Мне везет — почти сразу возле меня останавливается кроссовер тойота грязно-зеленого цвета. Делать нечего, сажусь!

Слишком многое сейчас на кону. Может быть безвозвратно поломана жизнь совсем еще молодого мальчишки. Такого талантливого, к тому же. Положа руку на сердце, я не могу не признать, что чувства, которые испытываю к нему, это никак не равнодушие.

И если есть хотя бы один шанс из миллиона, что этот его возможный одноклассник направляется к нему, то я рискну.

— Здравствуйте, — вежливо здороваюсь с водителем, садясь и закрывая за собой дверь. В салоне он один, не так страшно.

— Куда нужно красавице? — мужчина лет сорока улыбается, сверкнув золотым зубом.

— А вон за той маршруточкой, если можно! — отзываюсь, тоже улыбаясь ему в ответ, впрочем, не слишком, — я хорошо заплачу.

Как раз сегодня я обналичила свою зарплату с карточки. Он смеётся, уточняя, хорошо это сколько, но везёт. К счастью, всего через пару остановок маршрутки, во время которых мне приходится терпеть шуточки водителя на тему, не выслеживаю ли я своего неверного жениха и просто мило улыбаться, я вижу его.

Тяпу! Вернее, Егора Тяпилина, то самое хамло, которое так сильно досаждало мне последние дни. Торопливо рассчитываюсь с водителем, протягивая крупную купюру:

— Так будет нормально?

Сегодня для Зимины мне ничего не жалко.

— Нормально, — довольно отзывается он, беря ее.

— Спасибо, — искренне благодарю и выбегаю из тойоты, стремясь не упустить парня из виду.

Крадучись, я дворами следую за ним. По сторонам он совсем не смотрит, поэтому без каких-либо проблем я «веду» его еще до одного неприметного с виду переулка.

Тяпа заходит в первый подъезд пятиэтажки. Я — за ним. Никаких кодов на входных дверях тут нет, и дальше без труда, ориентируясь только на звук шагов, я поднимаюсь за Тяпой вверх на некотором расстоянии. На четвёртом этаже хлопает открывшаяся дверь.

Подождав немного, уверенно подхожу к ней тоже и стучу. Слышу, как кто-то подходит к двери с той стороны, но не торопится открывать. Мой пульс учащается.

Глава 16 Кипучие страсти

Мне открывает незнакомый парень лет двадцати.

— Вы к кому? — удивленно тянет он. Смотрит с подозрением. Стоит передо мной в трениках, босиком и с голым торсом. Высокий, мощный, на плече — крупная татуировка. Чувствую, как от страха начинают трястись поджилки. Может ли быть, что я ошиблась?! Затяни он меня сейчас силой в эту стремную квартиру, и не пикну.

— Данила Зими́на позовите, пожалуйста, — тем не менее, смело отвечаю. Смотрю в глаза. Он зависает, но ненадолго.

— Расслабься, это моя девушка! — слышу воодушевленный голос Зими́на и радостно выдыхаю. Он появляется в проеме двери и отодвигает парня в сторонку. Бросив взгляд на лестничную клетку, без спросу затягивает меня за руку в квартиру. Пока я растерянно осматриваюсь, Зими́н уже ловко снимает с меня куртку и разматывает шарф с шеи.

— Данил, ты что делаешь? — вяло сопротивляюсь. Заметив, однако, несколько настороженно-любопытных пар глаз парней из комнаты напротив, замолкаю. Мы стоим сейчас у них на виду в маленьком коридорчике этой квартиры-однушки.

— Пообщаемся на кухне, — произносит Зими́н коротко.

В квартире жарко натоплено. Я вздыхаю, понимая, что он прав. Деваться некуда, правильное будет зайти. Неожиданно, среди этих парней, я вижу Тяпу. Он глядит на меня с нескрываемой злобой. Решаю просто игнорировать его.

Зими́н, заметив мою нерешительность, с улыбкой приседает передо мной и дергает за шнурок на кроссовке:

— Тош, разувайся!

От меня не ускользает и то, как он поднимает свой взгляд выше. Скользит им по моим обтянутым джинсами ногам. Поспешно приседаю рядышком, и разуваюсь. Встречаемся взглядами.

Меня бросает в жар от непривычной близости наших тел, и пикантности ситуации в целом. Но, стараюсь сохранять спокойствие — впереди у меня важная миссия!

— Пацаны, отмирайте, — весело говорит Зими́н любопытствующим. С облегчением вижу, как он закрывает дверь в ту единственную комнату. Парни сидят на широком диване и смотрят телек под пиво, все, включая Тяпу, — все нормально.

Возвращается ко мне. Зими́н не с голым торсом, как открывший мне входную дверь парнище, но тоже босиком, в футболке и в спортивных штанах. Вообще, он сам по себе высокий и спортивный, заметно оформляющийся в мужчину, что называется, не по дням, а по часам.

Протиснувшись мимо него в узком коридоре, я быстро устремляюсь в открытую дверь кухни. Обстановка здесь тоже «спартанская». Мебели и всего прочего по минимуму.

Зайдя вслед за мной, он плотно прикрывает дверь. Подходит.

— Дань, мне очень нужно поговорить с тобой, — в волнении, я облизываю пересохшие губы. Не знаю, с чего начать и как заставить его принять правильное решение, — я даже не буду спрашивать, почему ты представил меня своей девушкой.

— Ладно, — легко соглашается, — а я не спрошу, откуда ты узнала, что я здесь.

— За Тяпой проследила, — признаюсь, чтобы он больше доверял мне, — но это неважно! Мне известно, что ты сбежал из СИЗО.

— И что?! — хмыкает.

Делаю коротенькую паузу, собираясь с мыслями. То, что я сейчас скажу, очень важно.

— Послушай, Данил. Я знаю, что это не ты устроил поджог в школе! Уже найдены доказательства того, что тебя хотели подставить, но пока это тайна. Я хорошо знаю, о чем говорю, потому что мой родной дядя работает в милиции. Это он сказал мне, что своей глупой выходкой ты можешь поставить под удар всю свою дальнейшую жизнь, тебя ведь запросто могут перевести в колонию.

— А почему он сказал это тебе? — прищуривается, — откуда он знает, что я имею к тебе какое-то отношение?

Немного теряюсь от такой постановки вопроса. Все же, Данил неглупый мальчик.

— Подожди, это еще не все, — продолжаю немного сбивчиво, — он сказал, что даже готов тебя прикрыть, если ты вернешься в СИЗО до ночи! То есть побег аннулируют документально, ясно?

— Не очень, — Данил начинает улыбаться и подходит ко мне вплотную. Вжимаюсь спиной в столешницу позади себя, — есть вопрос.

— Какой?!

Скрестив на груди руки, он стоит прямо напротив меня и разглядывает. Я нервно сосредотачиваюсь взглядом на рельефе его мышц, угадываемых под футболкой. Замечаю свежую татуировку на запястье.

На кухню вдруг заглядывает Тяпа.

— Зима, не верь училке! — цедит детдомовец в мою сторону почти с ненавистью, — она хочет заманить тебя в ловушку!

— Ты откуда знаешь?! — Зимин резко поворачивается к нему и смотрит недобро. Даже больше, я вижу, что он взбешен приходом Тяпилина.

Так странно, но сюда заходят и остальные парни. Вот от этого мороз по коже. Как же я жалею, что сунулась в их логово одна, никому не дав знать, где я! Хотя бы смс-кой. До меня только сейчас начинает доходить, что со мной здесь могут сотворить все, что угодно.

— Хорош языком ляпать, Тяпа! — реагирует на его зловещее молчание Данил, и это существенно понижает градус атмосферы, — если есть че сказать, скажи. Если нет, че пришёл?! Не гоните, пацаны... Заканчивайте уши греть, я тут с девушкой разговариваю.

Они понимающе ухмыляются и берут по новой порции пива, но расходятся. Остаётся только Тяпа, нервно сжимающий кулачки. Откуда в нем эта злоба ко мне, я не понимаю? Только потому, что училка?

— И че, Зима, ты теперь в СИЗО вернёшься?!

— Не парься. В комнату иди, сказал, — Зимин говорит тихо и спокойно. Но что-то в нем все же убеждает Тяпу молча выйти и прикрыть за собой дверь.

Пока я лихорадочно соображаю, на чем строить наш диалог дальше, Зимин бесшумно подходит к двери и резко распахивает ее. Слышится грохот и завывание упавшего Тяпы. А ещё — взрыв хохота из комнаты. Зимин выходит в коридор.

— В следующий раз в нос, — предупреждает он, понизив голос, но я это слышу. Снова возвращается на кухню. Аккуратно, плотно прикрывает за собой дверь и застенчиво интересуется:

— Извини, пожалуйста. Хочешь чаю?

— Эмм... нет. Спасибо, Данил. Надеюсь, ты понимаешь, — я говорю быстро, потому что чувствую, как взволнована, — вернее, знаешь, что если откажешься возвращаться в

СИЗО, то последствия побега могут быть очень серьезные. Даже при том, что ты не виноват в поджоге!

— А что, я так небезразличен тебе?! — интересуется, подходя поближе.

— Да.

— Почему?

— Потому что ты мой ученик, — отвечаю твёрдо, — и просто хороший человек.

— Это всё?

— Всё.

— Тогда скажи, почему у тебя нет парня?! — я слышу в его голосе агрессию.

— Данил! Ну причем тут это? — меня шокирует резкая смена темы, — мы же говорим о твоей судьбе... А ты о чем?

— И я о том же, — прожигает взглядом, — ответь. Так почему?!

— Ну, блин-оладь, — психую. Речь идет о его возможном переводе в колонию для малолетних преступников, а он достает меня каким-то несуществующим парнем, — Зимин! Это мое дело.

— Ладно. А почему тогда мои дела — твои? — замечает резонно.

— Я уже сказала. Ты мой ученик, — жалко повторяю. Мне уже не нравится этот лихорадочный блеск его глаз и странное состояние. Он ведь не выпивший? Не похоже. И характерного запаха нет. Курили они здесь что-то, что ли?!

— Тогда почему здесь не химичка, например, а ты? Я тоже ее ученик, — уточняет, делаясь привычно-дерзким. Подходит и кладет свои лапы на столешницу позади меня, по обе стороны, да так, что не получается даже отвернуться от него!

— Потому что это мой дядя работает в милиции, — стараюсь говорить уверенно, — а не химички! Данил, отойди, пожалуйста.

— То есть все только ради того, что я твой ученик?! — смеется, даже не думая сдвинуться хоть на сантиметр, — ты уверена? Что-то мне подсказывает, что химичка так бы не заморачивалась. А ты решила заморочиться?

— Ну, может я добрее, — улыбаюсь ему, — ладно, ты умный, не спорю. Умеешь думать!

— Я просто давно все понял про нас, — он снова говорит серьезно. И это пугает.

— Какой-то бред, Данил! — в нарастающей панике, я хватаюсь за кисти его рук, чтобы оттолкнуть от себя.

— Я же еще ничего не сказал тебе, а ты говоришь — бред...

Какие-то секунды просто смотрим друг на друга. Потом Зимин неожиданно отступает от меня сам.

Мрачный, он отходит к окну и, засунув руки в карманы, недолго размышляет о чём-то. За стеклом уже давно темно, если не считать света фонарей и витрин магазинов. Я так долго не смотрела на часы, что даже не знаю, который сейчас час...

— Дань, — мягко зову его. Он тут же поворачивается и возвращается ко мне. Слишком близко. Привычно пячусь.

— Ну что, подумал? На кону твоя музыкальная карьера, — захожу в этот раз с главного «kozyря».

— К черту карьеру, — отвечает он без пауз, применив, вообще-то, более резкое слово, — я вернусь в СИЗО! Один, прямо сейчас. Тебе даже не придется вести меня за ручку. И сделаю все, как скажешь... Только у меня есть условие.

— Какое? — с готовностью откликаюсь.

— Только если мы потом поженимся, — впирается в меня напряженным взглядом.

Повисает дурацкая пауза. Я весело хмыкаю, не в силах сдержать улыбку. Думала, что Зимину уже сложно меня чем-то удивить, но нет! Он терпеливо дожидается, пока я беру себя в руки и справляюсь со смехом.

— Данил, как ты говоришь, хорош! Сейчас не время для шуток.

— Значит, все остаётся как есть.

— Ты ребенок, Данил, забыл?! — не выдержав, кручу ему пальцем у виска, — ну, ничего страшного, бывает. Окончание школы, музыкальные премии и Соммерты кружат голову, да? Ты чувствуешь себя взрослым. Но это не так. Детям в нашей стране запрещено жениться, уж извини...

Меня снова душит смех, хотя я изо всех сил стараюсь даже не улыбаться.

— А с восемнадцати? Я в курсе, не дергайся так, — спокойно продолжает он, — с восемнадцати женят?! Или с двадцати одного?

— С двадцати одного, кажется, — вру, не моргнув глазом.

— Ладно, я проверю, — Зимин снова хитро улыбается, — а восемнадцать мне всего через три с половиной месяца, дорогая, любимая моя Антонина Сергеевна!

Мой приступ смеха пропадает так же внезапно, как и накатил. Я снова боюсь неадекватности Зимина.

— Эээ... Но ты же талантливый музыкант! — меня хватает только на этот «бледный» аргумент.

— И что?

— А в голове, мхм... такая каша. Речь идет о твоём будущем!

— Мне все равно. Я назвал условие, — перебивает. На лице его ноль эмоций. Стоит надо мной, снова скрестив руки на груди и уставившись немигающим взглядом.

Ситуация нелепейшая. Это я чувствую себя сейчас маленькой девочкой, а Зимина — коварным взрослым, пытающимся меня перехитрить! Он даже не спорит со мной, не давая тем самым повода для новых, более убедительных аргументов. Недолго молчим.

— Что ж, очень жаль! — я говорю искренне, серьезно, — ты пока не вполне адекватен в силу возраста, но времени на то, чтобы набираться ума, у тебя, к сожалению, нет.

Решительно выхожу из кухни. Зимин, помедлив, идёт за мной. В коридоре молча наблюдает за тем, как я медленно обуваюсь. Парни из комнаты больше не проявляют к нам интереса, даже Тяпа. Все они дружно пялятся в ноутбук, что-то обсуждая.

— Подожди, провожу! Поздно уже, — наконец, изрекает Зимин. Он хитер, но зря считает, что я дам заморочить себе голову.

— Думаю, что ориентировку на тебя уже дали, — откликаюсь, — а наш городок, ты сам знаешь, маленький. Так что лучше не надо.

— Тогда подожди. Попрошу кого-нибудь, — он скрывается в комнате, несмотря на мой протест, и выходит оттуда с тем парнем, который открыл мне входную дверь.

— Это Дэн, — коротко его представляет, — проводит тебя.

Я неловко топчусь на пороге. Может, и правда? За окном непроглядная темень, поздно. Пусть хотя бы до остановки. Парень кивает Зимину и быстро обувается, накинув куртку. Тот по-прежнему стоит молча, облокотившись о дверной косяк.

— У тебя телефон есть? — робко спрашиваю я его, уже выйдя на лестничную площадку.

— Да, — улыбается. Мы стоим и молчим дальше, пока этот Денис не спрашивает меня с оттенком неудовольствия:

— Ну что, пойдёмте?

— Сейчас, — я злюсь на Зимина за то, что он фактически вынуждает меня проявить инициативу, — Данил, какой у тебя номер?

— Диктуй ты, — он достаёт из кармана телефон и с моих слов записывает номер. Тут же набирает и, убедившись, что в моей сумке раздаётся звонок, сбрасывает.

— А это мой.

— Ладно, пока, — ухожу. Очень злая.

Глава 17 Обещаю

— Тонечка, привет. Давай-ка сразу после работы ко мне! Новости есть, — звонит и выдает мне с утра дядя Ваня, едва я просыпаюсь. Вопреки всем ожиданиям, Зимин никак не проявил себя вчера вечером — ни звонками, ни смс-ками. И ночью, кстати, тоже.

Хотя наверняка ведь мучительно думал о многом. Я разговариваю по телефону негромко, чтобы не разбудить девчонок. На часах семь пятнадцать утра. Вчера я заснула только под утро, поэтому почти проспала.

— Да что случилось-то?!

— Ты нашла Зимина? — по его голосу слышу, какой он уставший после суточного дежурства.

— Нашла, — докладываю без энтузиазма.

— И?

— Не пришел? Я сказала ему, что хотела. А что там за новости, дядь Вань?

— Не по телефону, ладно? — он выдерживает паузу, — но если в двух словах, то виновный установлен. И это не Зимин! Подробности вечером. Просто на всякий случай — к десяти утра ждём начальство из командировки, а в девять у нас пересменка! Если Зимин не явится, то помочь ему ничем не смогу даже я. То, что он не виновен, не снимает с него ответственности за побег.

— Не виновен, вы сказали? А уже установлено кто, да?! — уточняю, чувствуя, как от радости начинает шумно колотиться сердце. Слава Богу, с этой историей скоро будет покончено.

— Тоня, — сурово перебивает меня дядя, — услышь меня! Я не знаю, действительно ли тебя так волнует его судьба и почему. Но у Зимина из-за побега будет уже второй привод за этот год, и колонии ему теперь уже, наверное, не избежать.

— Я поняла, — быстро отвечаю. Мысли крутятся в голове нестройным потоком, — спасибо, дядь Вань! Сделаю все, что смогу. Еще раз попробую уговорить его. Перезвоню вам!

Эти новости кардинально меняют мои планы. Я перемещаюсь в ванную, чтобы почистить зубы, привести себя в порядок и подумать над тем, как бы убедить Зимина вернуться, отбросив его дурацкое условие. Не мне же это нужно, в конце концов! А ему. Не будь он такой бестолочью. Однако я ведь уже влезла в это дело, поэтому чувствую свою ответственность!

Как назло, ничего толкового в голову не приходит. Поддавшись порыву, я сую руку в карман халата и достаю телефон. Нельзя терять времени. Выдыхаю и решаюсь, набирая его номер двумя касаниями по сенсорному экрану. Присаживаюсь на край ванны, потому что от волнения ноги сразу слабеют, делаясь ватными.

Зимин поднимает после первого гудка, но голос немного хриплый, сонный:

— Але?

— Данечка, доброе утро, — бодро начинаю. Попробую говорить с ним шутливо, но уверенно. По-дружески. Я просто обязана спасти его, как бы пафосно это ни звучало, а дальше гори все синим пламенем! Спаси даже ценой собственной лжи.

— Доброе, Тош, — я не вижу, но угадываю, что он улыбается. Небольшая пауза, неловкая для меня.

— Собирайся, пожалуйста, — лаконично произношу, опасаясь перемудрить с

«ванилью» в нашем общении, — встречаемся под СИЗО, окей? Позже все объясню.

— Зачем? — он спокоен как удав.

Стараюсь не вздыхать в трубку. Как же с этим парнем сложно.

— Затем, что все еще есть возможность аннулировать твой побег! Но вернуться нужно прямо сейчас. Не волнуйся, пожалуйста, ты оправдан, и это уже факт.

— Я не волнуюсь, — следует ответ.

— Так уверен в себе? — спрашиваю не без ехидства.

— Ну, я же знаю, что это сделал не я.

— Значит, так уверен, что не отправишься в колонию за побег?

— Мне интереснее все же, почему ты помогаешь мне?! А, Тоня?

Опять тупик! Нервничаю.

— Почему тебе это интереснее твоей дальнейшей судьбы? Считаешь меня такой прекрасной?

— Мне все равно, прекрасная ты или ужасная. Главное, чтобы моя!

— Ты больной человек, Данил.

— Может быть.

— И ты рискуешь — я могу сейчас просто положить трубку, а ты отправишься в колонию! Думаешь, тебя не найдут?

— Пусть так.

Он безбашенный, я знаю. И вряд ли врет. Мы снова молчим, пока Зимин не произносит:

— Вернусь я сейчас в СИЗО или нет, зависит только от тебя! Согласна на мое условие?

Я не знаю, возможно, это большая ошибка, но я произношу это:

— Ладно, согласна.

Приваливаюсь к стенке, покачивая ногой. Почему-то немного отпускает. В приоткрытую в санузел дверь уже заглядывает Ленка. Жестом показываю ей, что скоро выйду.

— Круто. Я рад! — Зимин жарко дышит в трубку, — только чтобы потом не включать заднюю, договорились?!

— Хорошо, — легко вру. И даже решаю пошутить, — а ты вообще как хочешь, может быть, давно мечтал о свадьбе? Ну, там, с лимузином, рестораном, белым платьем? Только тебе пока шампанское нельзя, Данечка, ну, ты в курсе.

— Поверь, я пил и покрепче. На такую свадьбу нужны деньги, хотя, они тоже скоро будут! — он как будто не замечает моей иронии.

— Откуда?

— Я ж говорил, что у меня серьезные планы на музыку. Нас уже в Москву приглашают!

— Нас это кого?!

— Меня и команду. То есть тех, кто помогает мне писать музыку, снимать и размещать контент. Это реально крутые ребята, танцоры, я хочу раскручиваться вместе с ними, беру с собой! Помнишь, я говорил тебе про продюсера?

— Эмм... ну да.

— Так вот, продюсеры еще будут драться за нас, посмотришь! Я выберу лучшего. Мы сами пока не тянем на тот масштаб, который планируется...

— Рада за тебя, Данечка, — мне все же трудно скрыть сарказм. Но, я вовремя вспоминаю про те миллионы просмотров его «самопальных» клипов в YouTube. И еще, про одну свою подругу, которая, помнится, очень долго и настойчиво раскручивала свой

YouTube канал, добившись в итоге каких-то жалких нескольких сотен подписчиков, и около тысячи просмотров ее роликов. А он только недавно зарегистрировался, и уже хитмейкер! Продолжаю:

— Так, может, лучше уж тогда дождёмся начала твоей звездной карьеры?! Продюсера, кучи бабла, а потом уже — ух, такую сделаем свадьбу! Этот городок содрогнется...

Вообще-то, я смеюсь. Но Зимин молчит, и я внутренне одергиваю себя, снова делаясь серьёзной. Ведь ещё ничего не позади. Надо, чтобы он вернулся в СИЗО, и его полностью оправдали. Только тогда можно будет вздохнуть спокойно. И шутить.

— Ну как, ты еще не начал во мне разочаровываться? — не удерживаюсь от того, чтобы поддеть его еще разок, — Данил, это вообще-то неизбежно. В любых отношениях. Так что ты пока подумай, даю время! А сейчас что, встречаемся под СИЗО?

— Хочешь проводить? — усмехается, — а как же твоя работа?

— Прогуляю, — заявляю ему уверенно.

— Нет, я не разочарован, — он говорит очень серьезно, — но мы ведь уже обо всем договорились, да?! Меня тут пацаны держат за горло, не хотят, чтобы возвращался. Боятся, что надолго закроют. Но я возвращаюсь. Потому что верю тебе. Так что это точно любовь.

Зависаю. Любовь?! Слишком сильное слово. И не совсем уместное, наверное, в нашем случае.

Ко мне уже во второй раз заглядывает Ленка, делая умоляющее лицо.

— Ладно, встречаемся у входа в СИЗО, — коротко бросаю и кладу трубку. Торопливо выхожу из ванной, прихватив оттуда свою косметичку. Звоню сначала завучу, чтобы предупредить, что на пару часов опоздаю в школу из-за срочного визита к стоматологу. Потом бегу одеваться и краситься.

Глава 18 Черт и младенец

Подхожу к зданию полиции, подгоняемая сильными порывами ледяного ветра. Зимина в его легкой, поношенной курточке и в подаренной мною шапке я замечаю издали. Встречаемся взглядами, и сердце пропускает удар.

Он стоит один под козырьком здания, а входящие и выходящие оттуда менты бросают на него косые, подозрительные взгляды. Но Зимину все равно. С улыбкой, он смотрит только на меня. Спеша, я выбираюсь из пёстрой толпы бегущих на работу или по каким-то своим делам людей, и взбегаю по ступенькам. Здороваемся.

— Данил, молодец, что пришел, — глуповато добавляю, — даже раньше меня.

— Ты же знаешь, почему, — реагирует он в ответ.

— Скажи, а ты раньше влюблялся когда-нибудь? — не могу не спросить, меня распирает любопытство. Смеюсь.

— Так нет, — он тоже улыбается, — а ты?

— Не знаю. Ладно, пошли, — открываю перед нами дверь, и Зимин послушно идет за мной. Даже не верится, что я самолично завожу сюда самого отвязного хулигана в нашей школе!

— Я потом все расскажу тебе. Представляешь, преступник уже найден, — начинаю болтать с ним на ходу, когда на первом же этаже мы натываемся на дядю Ваню. Он выглядит сердитым:

— Ну, чего стоите-отсвечиваете на крыльце?! Заходите...

Передаёт Зимина дежурному:

— Макаров! Принимай бойца. Зимин Данил, семнадцати лет, воспитанник школы-интерната.

Коротко кивнув и, очевидно, уже предупреждённый, тот встаёт и выходит из-за своей конторки. Без лишних церемоний, хватая Зимина за предплечье, указывая на тяжелую металлическую дверь:

— Сюда! Через рамку сначала. Запрещённые предметы, медикаменты, холодное оружие, колюще-режущие есть? — заученно бубнит.

— Нет.

Я везде следую за ними. Ободряюще говорю Данилу на прощание:

— Дань, уже все хорошо, ничего не бойся! Ты молодец. Я приду к тебе вечером, после уроков.

Он коротко кивает и уходит, подчиняясь дежурному полицейскому. Я поворачиваюсь к дяде Ване и вижу на его лице неприкрытое неодобрение.

— И что это была за сценка из жизни жен декабристов? — насмешливо интересуется. Я даже вздрагиваю от такого случайного, прямого попадания им «в цель». Эх, знал бы он...

Впрочем, он узнает. Но позже. Я и не собиралась скрывать от дядьки эту неожиданную, нелепую договоренность с Зиминим. Может, он посоветует что-то дельное? А то ведь мне в голову ничего не приходит, а решать вопрос как-то придется.

Налив нам обоим, как обычно, крепкий чай с лимоном в своём кабинете, дядя Ваня жестом приглашает меня присесть. Смотрит на часы.

— Молодец, Антонина! А как же работа?

— Я предупредила, что задержусь, — коротко поясняю, помешивая чай ложечкой, — а

вы-то домой когда?

— Скоро уже пойду.

Задумчиво наблюдаю, как в моей чашке, покачиваясь, плавает кусочек лимона. Конечно, Татьяна Ивановна не отказала мне в просьбе, но вряд ли поверила в то, что у меня неожиданно разболелся зуб. Просто она уже давно, я уверена, подозревает меня во вранье! И небезосновательно.

Но самый мой большой страх сейчас — это мысль о реальном преступнике. Сделать «стрелочником» в такой ситуации легче всего самого незащищенного, и им вполне мог бы стать Данил. Я сама привела его в СИЗО, поэтому теперь очень надеюсь, что ему действительно ничего не угрожает.

Дядя Ваня внимательно смотрит на меня, придвинув сахарницу ко мне поближе. Конечно же, он задает вопрос о том, какие нас с Зиминым связывают отношения. И я рассказываю ему все, как на духу, но в сокращенном варианте.

Как-то так исторически сложилось, что он всегда был мне ближе моего собственного отца, военного пенсионера. Мама, в прошлом врач, сейчас тоже на пенсии. А я у них — поздний и долгожданный ребёнок. Но, несмотря на нашу большую взаимную любовь и привязанность, давно уже живу отдельно. С тех самых пор, как поступила в пединститут и оформилась в общежитие. Сейчас я понимаю, что в свое время, наверное, просто сбежала от их гиперопеки. Участие же в моей жизни дяди Вани никогда не напрягало, и проявлялось только когда действительно нужно. Одним словом, он настоящий друг.

— Дядь Вань! — вдруг спохватываюсь, — так кто же все-таки устроил тот поджог в учительской?! Расскажите, все утро об этом думаю...

— Ох, Тоня. Давай сначала с Зиминым закончим? Он-то к поджогу не причастен. Зато причастен к тебе, а это мне уже очень не нравится. Нехорошая история!

— Ну, вы же понимаете, что у нас с ним ничего нет и быть не может?

— А зачем тогда обещание такое серьезное давала? И кому?! Никогда не давай обещаний, если не собираешься их исполнять. Если бы я знал, что ты так его уговаривать будешь...

— Да не я же это предложила! Но сказала зря, согласна. Просто очень хотелось его в СИЗО вернуть, особо времени подумать не было. Чтобы парень не пропал, но он вообще, вы знаете, хороший человек!

— Какой же ты еще ребенок, Тоня! Знаешь, что ему нужно от тебя, такому хорошему?

— Да я понимаю, о чем вы, но он ведь, извините, не постель мне предложил, — пытаюсь как-то оправдаться, — а семью создать. Наверное, это кое-что говорит о нем?

— Говорит, еще и как. Это детдомовец, племяшка. Они все хотят семью! Плохую ли, хорошую, любую. Тянутся к ней неосознанно, как котята, хотя не знают толком, что это. Не умеют беречь. Просто потому что их не научили. И вообще, если брать его жизненный опыт и твой, то ты младенец против него, поняла?!

Я хмурюсь, слушая его. Понимаю, что дядька прав. Возможно, Данилу просто нужна семья, социализация. А карьера, чтобы деньги зарабатывать. Он хочет быть как все! Вернее, как все благополучные люди в его понимании. Как же я сама не догадалась? И никакая особенная, неземная любовь ко мне тут не причём.

— Может он и хороший парень в принципе, давай допустим, — продолжает рассуждать мой дядя, — но у него опасный возраст. Мало того, что несовершеннолетний, так еще воспитывается в детдоме. Ну какой из него жених, Тонь?! Даже если он когда-то добьётся

успеха и станет известным музыкантом, знаешь, что будет дальше? Жизнь на колесах, гастроли по городам и весям. Девочки-фанатки. Алкоголь, наркота. А ты, в лучшем случае — если не надоешь ему, конечно, будешь сидеть, ждать его дома! У окна. Он ещё лет десять минимум никакой не жених. И если ты сама не понимаешь этого, то самая настоящая дурочка. Извини, как есть, кто ж тебе еще правду скажет. Какая у вас разница в возрасте?! Лет семь?

Сникаю. Все так! Нет, я всерьез и не собиралась за него замуж, конечно, но отношения эти, если бы я, к примеру, дождалась его восемнадцати лет и пошла у него на поводу, стали бы для меня только источником сердечной боли в будущем.

И потерей времени, если честно. Ну правда, «прикипеть» к нему, а что дальше? Он рвётся в Москву. С компанией таких же, молодых и безбашенных. Какая семья?! Все они, включая его самого, неосознанно стремятся к новой, яркой, взрослой жизни, которой захотят насладиться по полной, набираясь опыта, проживая, проживая ещё долгие годы.

Он будет успешен, точно. В этом я почему-то не сомневаюсь! А значит, его и правда ждут деньги, слава, новые перспективы, девочки... Много девочек.

— Ага, почти семь, — отвечаю, сконцентрировав внимание на чайной ложечке в своей чашке. Мне сейчас стыдно даже посмотреть на дядю Ваню. Стыдно за свой идиотизм!

— Это и в сорок-то лет, Тонечка, немалая разница, а в вашем возрасте, считай, пропасть, — качает он головой.

— И что делать? — почти шепчу, раздавленная его аргументами. Но оставит ли меня Зимин в покое? А если да, то когда?

— Вот. Правильный вопрос. Езжай-ка ты в Москву!

— В Москву?! — вскидываю на него удивленный взгляд.

— Ну, или там, в Питер. Бросай к черту эту работу!

— Почему?

— Да сдалось тебе наше захолустье. Ты мне как дочь, Тонечка, поэтому позволь дать совет! Не повторяй моих ошибок. Расширяй свои горизонты, ничего не бойся, вернуться-то сюда всегда успеешь! Ищи себя и свое счастье, пока еще есть молодость и силы. А молодость, она, знаешь, как быстро проходит?

Я киваю ему, снова погружаясь в невеселые мысли. Это был бы очень неожиданный ход!

Теперь мы просто сидим, пьем чай и молчим какое-то время.

— А что, если, — спрашиваю, — я встречу его где-нибудь там, ну, случайно?

— Зимина? — смеется, — здесь больше шансов его встретить! Даже в Москве затеряться легче. Он же Москву покорять собрался? Или весь мир?!

Я смеюсь вместе с ним и чувствую, как на душе становится чуточку легче.

— Я подумаю. Спасибо вам, дядь Вань! Много разложили для меня по полочкам. Не давайте уже про таинственного поджигателя? — напоминаю. Все же, любопытство гложет меня, да и Данилу рассказать обещала. Дядя снова становится серьезным, возвращаясь к своему привычному полицейскому тону:

— Так, информация пока строго засекречена, помни. Установлены еще одни пальчики на телефоне Зимина. Принадлежат они даме из вашего педколлектива. С большой долей вероятности, она каким-то образом выкрала и подбросила этот телефон в учительскую! Подозреваем также, что у нее имеется сообщник или сообщники. Сидоров сегодня же задержит и допросит ее.

— Да кто она?! Зачем это сделала?

— Кобылянская Лариса Тимуровна. А зачем — интересный и, можно сказать, ключевой вопрос, Тонечка! Выясним.

Глава 19 Маски сорваны

Не так уж сильно опоздав на работу, я провожу запланированные сегодняшним расписанием уроки и собираюсь на факультатив. За дополнительные занятия с ребятами мне государство, увы, не платит, да и желающих их посетить, обычно ничтожно мало.

Направляюсь в учительскую за учебными методичками. За столом у окна сидит Лариса Тимуровна, что-то недовольно черкая в ученических тетрадях красной ручкой. С ней мне даже не хочется здороваться. Ещё здесь присутствуют Татьяна Ивановна и физрук. Не глядя на Кобылянскую, я подхожу к книжным шкафам, где хранится весь учебный материал.

— Тонечка, большая группа факультатива на сегодня? — озабоченно интересуется завуч.

— Восемь человек, — отвечаю почти с гордостью. Учитывая добровольность мероприятия, это много. Сегодня будем заниматься с ними русской литературой. Я очень стараюсь преподавать как можно более занимательно. Некоторые произведения, такие как «Война и мир» Льва Толстого, особого энтузиазма, понятно, не вызывают, но я не против изучения только их краткого содержания, без детальной прорисовки и анализа персонажей и сюжета. Зато всегда останавливаюсь подробнее, чем нужно, на тех произведениях, которые для ребят по-настоящему интересны.

— Хорошо. А я вот планирую, Тонечка, сделать факультативы два раза в неделю обязательными для всех, начиная с девятого класса, — сообщает мне Татьяна Ивановна, как тут, из своего угла, в наш диалог злобно вклинивается биологичка:

— Это если только у Антонины Сергеевны найдётся время!

— А почему ж не найдётся? — удивляется завуч.

— Потому что, например, вчера она весь вечер по квартирам бегала, Зимина искала, — сообщает Кобылянская со змеиной улыбкой, — нашла, уговорила в СИЗО вернуться! Молодец.

— А вы откуда знаете?! — резко ее перебиваю.

— Сорока на хвосте принесла, — бросает она мне высокомерно после драматично выдержанной паузы. Возвращается к своим тетрадкам. Потом добавляет, — но все, что ни делается, к лучшему! По этому уголовнику малолетнему давно уже тюрьма плачет...

Ругнувшись про себя, я натыкаюсь на вмиг похолодевший взгляд Татьяны Ивановны:

— Это правда, Антонина Сергеевна?

Беспомощная в своём нежелании врать и на этот раз, утвердительно киваю:

— Да.

— Я слышала, что он сбежал и оттуда, но вам-то что?! Какие отношения вас связывают?

Невольно смотрю на вновь увлекшуюся тетрадями Кобылянскую. Мне неприятен подобный разговор в ее присутствии.

— Потому что Зимин мой ученик, — отвечаю завучу ровно, — а мой дядя работает в полиции. Это он попросил моего содействия и, поверьте, я вернула Зимина вовремя — никаких серьёзных последствий его побег иметь не будет! А таким проступком он мог бы поломать себе всю дальнейшую жизнь, вы знаете это не хуже меня, если бы его перевели в колонию. И по квартирам я не ходила. В милиции подсказали адрес, туда-то я и зашла!

Взгляд завуча невольно смягчается, Лариса Тимуровна же громко хмыкает из своего угла. И только завуч начинает что-то говорить мне, как в дверь учительской тактично стучат.

К нам заглядывает майор Сидоров с ещё одним оперуполномоченным, фамилии которого я не знаю.

Они здороваются и представляются по всей форме. Сообщают Кобылянской о предъявленном ей подозрении, и задерживают для проведения допроса в отделении полиции.

Она, равно как и Татьяна Ивановна, впадает в шок от этой новости. Я же просто наблюдаю за тем, как крысу-Ларису уводят, и даже испытываю нечто вроде удовлетворения. Не понимаю, зачем она выкинула подобное, но уж теперь правоохранители должны докопаться до правды!

Завуч тут же пристаёт ко мне с осторожными расспросами, но я «не колюсь», выражаясь лексиконом дяди. Быстренько провожу факультативное занятие и еду в СИЗО.

Там, первым делом, иду в кабинет дяди Вани. Он кивает мне на маленький приставной столик у своего рабочего стола и тут же, не спрашивая, заваривает крепкий чай.

— Итак, Антонина, — ставит передо мной дымящуюся кружку, двигает сахарницу. Устало плюхается в свое скрипящее офисное кресло, — на дежурстве еще пришлось задержаться. Кобылянская-то ваша, оказывается, давно состоит на учёте в психдиспансере!

Вот так новости. Я даже, кажется, открываю рот от удивления:

— Ого. Ничего себе!

— Да. Не буйнопомешанная, конечно, но с проблемами. И, разумеется, скрыла сей факт при приёме на работу! Но, это еще не самое страшное.

А что же самое?! Тянусь озябшими ладонями к раскалённо-горячей чашке и замираю в ожидании продолжения. Дядя Ваня тоже делает глоток, снимает очки для работы за компьютером и потирает ноющую переносицу.

— Раскололась она быстро. Уже установлено, что телефон Зимины выкрал его одноклассник Егор Тяпилин, с которым она состоит в интимных отношениях. Его пальчики там тоже «присутствуют»...

— В интимных? — зачем-то растерянно уточняю.

— Именно. Что ты хочешь, ненормальная баба со справкой из дурки! Берут туда, кого попало на работу. К Зимину твоему она, судя по всему, тоже приставала. Надеюсь, безуспешно.

Я в который раз откладываю ложечку, забыв набрать сахару.

— Блин, что жизнь у этого Зимины, — яростно шепчу, испытывая самое искреннее возмущение, — мало того, что детдомовские, в морозы без шапок ходят... так еще учителя у них такие! Зарплата небольшая, ученики специфические — вот и берут, как вы говорите, кого попало. Меня даже без опыта работы взяли.

— Ты права, — он вздыхает, — тоже сочувствую ему, но малый сильно на тебе зациклен, Тонечка! Я сам говорил с ним. Нехорошо все это. Как бы чего не вышло...

— Да что он вам сказал?! Неужели про свадьбу?

— Нет, — дядя Ваня улыбается.

— Зачем вы вообще с ним говорили?

— А что, нельзя? — он в притворном удивлении вскидывает брови, — считай, стало интересно. Спросил, какие отношения вас связывают.

— И что? — на миг почему-то даже дыхание перехватывает.

— Сказал коротко, по-мужски! Я ее люблю, — дядя Ваня смеется, — давно я такой романтики не встречал. Не жалко тебе его, Тонь?

Это, и вправду, так трогательно, что мои губы, помимо воли, расплываются в улыбке:

— Жалко. А как же то, что я младенец против него, а, дядь Вань?! Или неужели думаете, что, в самом деле, любит?

— Откуда мне знать! А поджигатель кто, тебе уже совсем не интересно? — меняет он риторику разговора.

— Вообще-то очень интересно! Не Кобылянская?

— Тяпилин. Он-то и уговорил свою ненормальную учительницу-совратительницу помочь с этим. Принес ей телефон, зажигалку, взрывпакеты...

— Ну а мотив?!

— Мотив обыкновенный, Тонечка. Зависть! И низость. Тяпилин этот в своей маленькой никчёмной жизни ничего не умеет, не знает, зато с Зиминым в Москву собрался. За компанию, так сказать. А Зимин возьми да откажи ему! Ну, Тяпилина, видишь, жаба задушила. И попались они с Кобылянской аккурат на камеру! В одной из припаркованных под школой машин, у сотрудника Гороно в салоне был в тот день работающий видеорегистратор. На записи хорошо видно, как Тяпилин через окно передаёт Кобылянской телефон и взрывпакеты в учительскую.

— Офигеть, — не могу сдержать эмоций, — а где они сейчас оба?!

— Она в психдиспансере, где и положено. Завтра будет принудительно проходить медкомиссию на предмет дееспособности! На ней же теперь не только поджог, а еще и развратные действия в отношении несовершеннолетнего.

— А Тяпилин?

— Тяпилин уже в СИЗО. Я похлопотал там, чтобы они с Зиминым нигде не пересеклись. А то так и до драки недалеко, или ещё до каких проблем! Расскажи все Данилу сама — майору Сидорову сейчас как-то не до пацана совсем.

— Хорошо. Спасибо, дядь Вань! — горячо благодарю его, — без вас, я даже и не знаю, что было бы... Как он здесь вообще?

— Нормально. Понятно, что не курорт! Хотя ему не привыкать. Телефон забрали — был недоволен, но отдал спокойно. Вот откуда у этих детдомовцев телефоны мобильные, скажи?

— Ну, так сейчас время такое, без телефонов никуда, — пожимаю я плечами в ответ, — Данил не воровал точно, у него вроде есть какой-то стабильный доход в сфере музыки.

— Вроде, но не воровал точно! — ворчит дядя Ваня, — ты там давай особо не проникайся чувствами от жалости к нему, хорошо?

— Вот что-то, а жалости я не чувствую, — отвечаю честно, — наоборот! Сочувствие да, а еще, может быть, чисто человеческую симпатию и уважение...

— Да что ж такое, Тоня, — грубовато перебивает он, — забыла, о чем мы с тобой говорили накануне?! Такой даже если влюбился, так же быстро разлюбит. Заруби себе это на носу.

Но я не обижаюсь на него за этот «холодный душ». Возможно, как раз именно он мне и нужен.

Дядя Ваня снова улыбается, вставая со своего скрипучего кресла:

— Ну что, пойдём к твоему любезному? Я провожу.

Не стесняйтесь дарить звезды и комментировать, автору будет очень приятно;)

...

Глава 2 °Свидание

Он проводит меня в «святая святых» СИЗО, позволяя подсмотреть в зарешеченное окошко тяжелой металлической двери, как Даню поднимают и переводят в приёмник из общей камеры. Приемником здесь называют место для свиданий.

Я вижу, что он как раз что-то кропал ручкой на листке бумаги, вольготно развалившись прямо в обуви на единственном в этой многолюдной камере подоконнике.

— Зимин! А ну спрыгивай, здесь нельзя сидеть, — доносится окрик явившегося за ним дежурного, все того же Макарова, который оформлял его на входе сюда.

Тот легко спрыгивает с высокого подоконника. Обстановка здесь мрачная и убогая, но сокамерники, по-видимому, сосуществуют друг с другом вполне мирно. Среди них он самый юный, прямо таки излучающий жизнелюбие и оптимизм. Для «старожилов» Зимин, наверное, как поток свежего воздуха. Болтает им что-то про новый трек на вопрос Макарова «Ты че тут, романы пишешь, что ли?»

Невольно задумываюсь. Как в этом месте вообще можно что-то творить? Разве когда тебе семнадцать. В семнадцать лет, как ни крути, все окружающее неизбежно романтизируется. Или это он так рад, что мы скоро поженимся, что вдохновение бьет ключом?!

— Мм? — переспрашиваю, как только до меня доходит, что все это время дядя Ваня тихонько бубнит мне о чем-то:

— ... Нам тут уже, знаешь, не до Зимины сегодня. Хотя, по-хорошему, отпустить бы его надо! Но переночует ещё ночь, завтра все, какие полагается, бумажки оформим и обратно в детдом. Ты там тоже с заявлением об увольнении не затягивай.

— Ладно, дядь Вань, вы отдыхайте уже! — согласно киваю, — и не переживайте.

— Да я эту малую борзоту знаю. Он, как выйдет из СИЗО, сразу к тебе со своей любовью! Ты скажи директору, как есть, что мол, влюбился мальчик, из этических соображений имени раскрывать не буду, хочу уволиться. Прошу без отработок, а сразу, по соглашению сторон. Она тетка мировая, я ее лично знаю. И если что, говори мне! Я с ней пообщаюсь. А теперь иди. Тяпилин в отдельной камере пока, можешь не волноваться.

Мы прощаемся, а вышедший ко мне Макаров коротко предупреждает, что будет наблюдать за нашим с подследственным общением через окошечко в двери. И на все свидание у нас, ввиду позднего времени, минут двадцать.

Я киваю ему, входя в обшарпанное, буквально молящее о ремонте помещение с тусклым освещением. И сразу же, откуда-то из этого полумрака, ко мне шагает Данил. Обнимает крепко и смело, целует в щеку.

Я подпрыгиваю от неожиданности, с бешено бьющимся сердцем. Поспешно выскальзываю из его объятия и сажусь на один из стульев первой. Из всей обстановки здесь только стол да два стула. Зимину не остается ничего другого, кроме как сесть на второй. Страшно боюсь того, что он теперь, наверное, считает меня своей невестой.

— Дань, привет, ну как ты? — мой голос звучит как чужой в этих гулких стенах. Он хмыкает и смотрит на меня, улыбаясь:

— Пойдет. В детдоме не лучше. Но, — кладет руки перед собой на стол, и интимно придвигается ко мне поближе вместе со стулом, который с противным скрежетом шаркает по каменному полу, — ты пришла. Значит, мне уже хорошо!

Я смущаюсь как дурочка, впрочем, оставаясь внешне невозмутимой. Рассказываю ему последние новости, в том числе и о Кобылянской.

Данил хмурится. Я вижу, как ходят желваки на его скулах, пока он слушает меня, и как сжимаются кулаки. Отчетливо понимаю, что дядя Ваня был прав, поселив Тяпилина в отдельную камеру! Ух, и наломали бы они тут дров, Данил так точно.

Потом он вдруг успокаивается, и снова смотрит на меня с жадным интересом. А я, в ужасе от этого, думаю только о том, что посоветовал мне дядя.

Вряд ли получится цивилизованно договориться с Зиминим, просто заявив, что я передумала! Даже при том, что вся эта договоренность была изначально бредовая. Предложить ему что-то другое взамен, но что? Дружбу? Это звучит смешно даже для меня. Он уже нарисовал картинку в своей голове о том, что мы должны быть вместе, и теперь тупо бьет по этой цели. До упора. Пока не добьется.

— Дань, а Кобылянская, ты говорил, приставала к тебе? — не удерживаюсь от вопроса.

— Мгм, — подтверждает.

— Что, прямо в блоках?

— Прямо в блоках, — мой вопрос почему-то его смешит, — тебе ещё подробнее?!

— Как, просто пришла ночью?

— Вечером. Когда в комнате никого не было. Пришла, сняла трусы...

— С тебя?!

— С меня ей здоровья не хватит, — смеется.

И он говорит об этом так спокойно!

— Ты не позвал дежурного?

— Какого?! Мы сами себе дежурные. Бухой сторож в школе не в счет.

— Скажи, — я просто не могу не спросить его об этом, — а... девочек ваших... так обижает кто-нибудь?!

— Так — нет. Да и некому! Мы их не трогаем, а учителей мужиков нет почти. У нас же только тётки в школе, да и те старые, не считая тебя, конечно.

Данил прав. Я не вижу по нему, чтобы тот случай с Кобылянской нанёс какую-то серьёзную душевную травму. А интересно, девственник ли он?

— Да, она же психически больная, как выяснилось, — поясняю ему зачем-то со вздохом еще раз. К нам уже заглядывает Макаров, громыхнув дверным засовом. Но я умоляюще смотрю на него, и он недовольно кивает мне в ответ. Укоризненно качая головой, бросает взгляд на свои наручные часы. Затем закрывает дверь.

— Я даже не знаю, с каким конкретно диагнозом. Наверное, шизофрения или что-то типа, — говорю Данилу, хотя он меня об этом не спрашивает.

Молчим. Чувствую, что не готова проститься с ним прямо сейчас, на такой тяжелой ноте. Он смотрит нежно и странно, как обычно. Ежусь под его «щекотным» взглядом, но и уйти не могу, сидя, как приклеенная. Ой, что будет дальше?!

Замечаю тонкий ободок красивой татуировки в ворота его футболки, чуть пониже ключицы. Поддавшись порыву, я протягиваю руку и немного сдвигаю футболку в сторону, разглядывая этот знак на его теле.

Рядом с витиевато набитой надписью «ZIMMA» перевернутая восьмёрка — символ бесконечности. На одной из переплетенных между собой сторон буква А, на другой D. Я не особо суеверна, но все вместе это читается как «AD». Он перехватывает мою руку и уже держит, не отпуская.

— Ад? — читаю вслух.

— Буквы английские. Антонина, Данил, — сплетает наши пальцы, — Ад это Hell..

— Отпусти! Макаров смотрит, — дергаюсь, — зачем тебе вообще эти татухи?

Он медленно отпускает, не сводя с меня внимательного взгляда миндалевидных серых глаз. Зимин как будто все время говорит мне о чем-то взглядами, но я не могу до конца разобрать, о чем. В нем словно жарко полыхает что-то невысказанное.

— Ребят, время! — нервный Макаров снова распахивает дверь с неприятным шумом, — Антонина, у нас начальство скоро обход будет делать...

Я встаю, прекрасно понимая дежурного. Но, взгляд мой по-прежнему прикован к зачарованному нашей встречей Зимину. Даже лампочка под потолком начинает мигать, будто не выдержав напряжения!

Он также встаёт, двигаясь со мной синхронно. И раньше, чем я успеваю возразить, снова целует в щеку на прощание. Долго смотрит в глаза, вызвав жар по всему телу порывистостью своих движений, и тем, как сильно сжимает мои пальцы в своих. На миг мне даже кажется, что он очень желает меня. Я ощущаю эту тягу физически, как будто мы с ним оба намагниченные...

Но я ведь не люблю Зимина?! Значит, этого не может быть. По-детски испугавшись собственных мыслей и того, что он, возможно, спросит меня о чем-нибудь, я выбегаю из камеры, бросив ему сухое «пока».

А ведь он даже не поинтересовался тем, когда его отпустят, и тем, что будет дальше с ним или с Тяпилиным!

Не спросил ничего...

Ночь и последующие полдня проходят для меня как в тумане. Спала я очень беспокойно. Девчонки звали меня вечером в кино, но я была такая рассеянная, что едва нашла предлог для отказа и даже не помню, на что они ходили.

Они давно уже говорят о том, что я очень изменилась. Это правда. Слишком многое произошло, и у меня нет ни сил, ни желания на наши традиционные кухонные посиделки. А может, мне просто стало неинтересно с ними? Как бы там ни было, но я окончательно ушла в себя и в водоворот последних событий, о которых не особо хочется кому-то рассказывать.

Москва или Питер — впереди меня точно ждут глобальные перемены! Похоже, что моей скучной и однообразной жизни, которую изменил, по сути, Данил Зимин, скоро настанет конец. И начнется что-то принципиально новое.

Вторая же половина дня, когда уроки заканчиваются, тянется для меня, напротив, мучительно медленно. Я вся как на иголках, потому что знаю — этим утром Зимин был выпущен из СИЗО. А это значит что, скорее всего, он захочет сегодня встретиться.

Трусливо отключаю телефон еще с полудня, на случай, если он решит написать или позвонить мне. В конце концов, у меня ведь могла разрядиться батарея? К счастью, уроков в выпускном классе сегодня нет.

Завуч просит меня помочь ей с бумагами как раз в тот момент, когда я решаю побыстрому свалить домой. Волей-неволей, мне приходится вернуться в ее «приятной» компании в учительскую. Хотя бы закрываю за нами вечно распахнутую в течение дня дверь. Учительская уже немножко приведена в порядок, но вид там все еще очень печальный.

— Зимин это моя боль! — слышу с порога жалобу директрисы, которая тоже здесь и разговаривает с кем-то по телефону, — в девять утра он объявился в детдоме, но уже в полдесятого его там не было. Вместо того чтобы идти на уроки, опять сбежал в город...

Старенькая учительница английского, слушая ее, сочувственно качает головой. В школе, насколько я знаю, сейчас абсолютно все пребывают в шоке от раскрывшейся, неприглядной правды об учительнице Кобылянской. Следствие уже завершено. Однако вслух, во всяком случае, при мне, эта тема деликатно не обсуждается. Меня все тут негласно считают вчерашней школьницей, а еще, может быть, дело в дяде-полицейском.

— Зимин, прекрасно зная, что у него сегодня физика, не явился! — продолжает бушевать директриса.

Физику у нас, как известно, преподаёт она лично. Я сильно сомневаюсь, что Зимин каждый день сверяется со своим школьным расписанием.

Директриса, наконец, заканчивает свой разговор. Судя по всему, ее собеседником был кто-то из Гороно. Теперь ее возмущения дружно, как по команде, подхватывает и вся учительская. Мне становится очень неловко выслушивать все это.

— Таисия Валерьевна, ну что вам сказать, — горестно вторит ей завуч, — быстрее бы конец учебного года! И его совершеннолетие. Думаю, тогда впору будет отпраздновать всем дружеским коллективом...

Для меня же сказанное как ушат холодной воды! Лишнее напоминание о том, что на свое совершеннолетие Зимин планирует вести меня в Загс подавать заявление. Я нервно ерзаю на стуле, шурша разложенной по столу документацией.

— Я, по такому случаю, уж точно выпью рюмочку горячительного, — подхватывает

директриса, и обе они смеются над общей шуткой.

Максимально сосредоточившись, быстро выполняю порученную мне работу. Директриса уходит к себе, а учительницы неспешно попивают чаек вместе с завучем.

Закончив, я прощаюсь со всеми и переобуваюсь. Накидываю на себя громоздкий пуховик, шапку, вешаю сумку на плечо и убегаю, даже не взглянув на себя в зеркало.

Факультативов на сегодня нет, а решительный разговор с директрисой насчет увольнения предпочитаю отложить до завтра. На самом деле, я очень надеюсь успеть выскользнуть с территории до появления на ней Зимина! Радуюсь, что он в городе.

Но, на выходе из школы сердце в груди делает кульбит — он со счастливой улыбкой направляется ко мне, видимо, уже давно поджидая. Сбрасывает с головы капюшон черной толстовки.

И как обычно — вокруг нас никого. Я с трудом перевожу дыхание, борясь с панической атакой. Что Зимин вытворит, если узнает о моем плане бегства из города по-английски, не прощаясь?!

Впрочем, об этом лучше пока не думать, ноги и без того подкашиваются. Чуть-чуть сбавляю шаг. Поравнявшись с ним, останавливаюсь, чтобы сказать «привет».

— Привет, — тут же мягко отзывается он, затягивая в омут пристального взгляда. Уверенно подходит поближе, но я протестующе отпрыгиваю:

— Данил, стоп! Здесь нас могут увидеть! Я же твоя учительница, не забывай.

— Скоро все итак узнают, — его забавляет мой страх.

Странно, но Зимин не замечает, или делает вид, что не замечает моего «бледного» вида. А я рядом с этим малолеткой сама чувствую себя маленькой девочкой! Беспомощно. Аж бесит.

— Узнают?! — резковато уточняю.

— Тош, ну ты же в курсе, как я к тебе отношусь? — он говорит спокойно, — все почеснаку. Через сто семнадцать дней я совершеннолетний! Мы пойдем в ЗАГС и подадим заявление. Никаких проблем, я узнавал.

— Дань, а там, эээ... в первый раз заявление только подают, и нужно еще подумать, — холодею.

— Да, месяц, это ж недолго. Потерпишь? — смеется. Ах, он еще и издевается, паршивец! Нагло хватает за руку, и тянет за собой, — ну что, пошли?! Невеста...

— Куда? — у меня шок.

— Провожу домой. А ты что подумала?

— Зимин! — шиплю, оборачиваясь и оглядываясь. Однако он сильнее меня, поэтому приходится тащиться за ним по снегу. Правда, уже через несколько метров он не тащит, а нежно ведет, если, конечно, это слово уместно в данном случае. Никого не стесняясь.

Кажется, я покрываюсь пятнами как олень, едва завидев в школьном дворе дедушку-сторожа. Хотя он, будучи уже навеселе, проходит мимо, не обратив на нас ни малейшего внимания. Зимин держит крепко, но я и сама уже тороплюсь уйти отсюда как можно скорее. К счастью, в густых сумерках распознать нас сложно.

На остановке, не сговариваясь, вместе заскакиваем в набитый людьми автобус. Зимин технично прокладывает нам путь к неплохому местечку в самом конце, у окна. Встаем там, держась за поручень.

Он молчит, снова оказавшись рядом, а молчать мне с ним ещё сложнее, чем разговаривать. Лихорадочно вспоминаю мудрые советы дяди Вани. От движения по

неровной дороге нас обоих слегка покачивает. Опасаюсь лишней раз коснуться Зиминой, даже случайно. Как будто в нем заложен детонатор, который в любой момент может взорваться от моего неосторожного движения. Не хочу провоцировать. Ни на что.

— Зря ты поехал, Дань, — бормочу себе под нос, — стемнеет скоро...

Он только насмешливо смотрит, не отвечая.

— А где ты был, почему не на занятиях? — продолжаю наш диалог. Молчать с Зиминим очень некомфортно, аж в пальцах покалывает.

— Ездил на треню мышцы покачать, и в танцзал.

— А откуда деньги? — спрашиваю, почти как жена.

— От монетизации видеоконтента, — спокойно, терпеливо отвечает он на мои расспросы. Бабулька рядом с нами явно оживает, вслушиваясь. Мы замечаем это одновременно и обмениваемся улыбками.

— Слова такие умные знаешь, — подкалываю.

— Я знаю побольше, чем ты думаешь, — с такой же хитрой мордочкой парирует он.

На моей остановке быстро, через толпу пробираемся к выходу, зачем-то взявшись за руки. Зимин расплывается за двоих, не успеваю я открыть сумку.

Мой дом отсюда недалеко. Покинув душный автобус, незаметно отнимаю руку и вижу, как он морщится от этого, почти болезненно. Но отпускает молча. Продолжаем идти, болтая о чем-то неважном. Я даже на какое-то короткое время забываю о нашей разнице в возрасте, и о том, что я его учительница.

С горящими от энтузиазма глазами, Зимин увлекательно повествует о своём творчестве. Звучит много новых или малознакомых для меня слов и терминов — чарты, трэки, музыкальные коллаборации... Я удивляюсь, когда мы оказываемся в подъезде у лифта, настолько незаметно пролетает время.

— Извини, на чай не приглашаю, — произношу шутливо. Собираюсь прощаться.

— Ну и ладно! А у меня есть для тебя сюрприз, — отвечает Зимин, улыбаясь. Слегка напрягаюсь:

— Какой?

— Давай отойдем, — он ловко подводит меня к широкому подоконнику у подъездного окна. А за окном, как обычно в это время, непроглядная темень. Из скрипящего лифта выходит и равнодушно смотрит на нас сосед со второго этажа, которого я здесь частенько вижу.

— Здравствуйте, — бросает мне, и выходит на улицу. Смеюсь. Зимин веселит меня, с ним я как будто снова подросток, празднично шатающийся по подъезду, и настроение классное. Только бы не испортил.

— Короче, — сообщает он мне почти торжественно, — помнишь тот наш недавний трэк с Соммертом?!

— Ну да. Очень крутой, — отвечаю искренне, — я видела, что вы, если не ошибаюсь, только за первую неделю набрали миллионы просмотров?! И лайков...

Данил кивает, светясь от счастья, как маленький. И я так же глупо улыбаюсь ему в ответ, ощущая его триумф.

— Да, уже двадцать пять миллионов просмотров, правда, на его канале! Так вот, он на днях позвонил мне и позвал в Москву. Его пригласили в Камеди, а он, прикинь, договорился с организаторами и насчёт меня! Чтобы нас посадили с ним вместе, в первом ряду за столиками. Ну, потроллят немножко, там такой формат... Ты видела когда-нибудь шоу

Камеди Клуб?

— Конечно! — обалдеваю.

Что, серьезно?! Несовершеннолетний парень из нашего захолустья, простой, детдомовский, будет сидеть в первом ряду за столиком известного на всю страну шоу звёзд Камеди Клуб?

Но то, что Зимин говорит потом, шокирует меня ещё больше:

— А я, в свою очередь, забил там и для тебя местечко! Соммерт только сегодня подтвердил. Мы можем ехать вместе.

Наступает тишина. Я смотрю в его прищуренные, смеющиеся глаза и понимаю — Данил ждет, что сейчас я брошусь с визгом ему на шею, или с поцелуями, или с чем-то еще подобным...

На секунду даже становится обидно, что мне не семнадцать! И что скоро я уезжаю из этого города. Навсегда.

Ясно, что никакой столик в Камеди Клубе мне не светит! А все потому, что у меня есть мозги и дядя Ваня, который все просчитал заранее. Становится очень горько, так горько, что, кажется, сейчас заплачу.

Как жаль, что в мои семнадцать лет жизнь была серой и пресной, и не было в ней такого яркого, искрометного Зимина и, наверное, уже не будет. Да, двадцать четыре года — это, конечно, очень круто! Но не тогда, когда ты понимаешь, что тебе не по пути с таким парнем. А еще, когда знаешь, что придется его обмануть.

Нанести такую серьезную обиду, которую в семнадцать, наверное, не прощают. И будут помнить до конца жизни!

Зимин мрачнеет, видя, что что-то пошло не так.

— Уже очень поздно, Дань, — бесцветно произношу, силясь улыбнуться, — ты такой молодец. Спасибо! Честно, я бы с радостью, но меня сейчас ни за что не отпустят с работы, а я ею, знаешь, как дорожу?

Он молчит, внимательно меня слушая. Есть у него такая привычка — слушать меня, затаив дыхание. Так меня не слушают даже мои чудесные девочки-первоклашки.

— Это, кстати, очень хорошо, что ты начинаешь приобретать такой звездный статус, — подшучиваю, взглянув на часы, — а звездам положена охрана, я буду меньше за тебя волноваться!

Смотрю сейчас не на него, а на падающий за обледенелым стеклом снег, так волшебным образом подсвечивающий невзрачные черные улицы.

— А ты на самом деле волнуешься?

— Мгм, — утвердительно мычу.

— И все считаешь меня маленьким?! — неожиданно берет меня за руку, — учеником...

— Ты и есть ученик. Пока, — добавляю неуверенно.

Зимин медленно стягивает с моих рук сначала одну кожаную перчатку, затем вторую. Замолкаем. Вроде ерунда, но чувствуется так интимно, что по всему телу сразу же разносится приятное, покалывающее тепло.

Шумно выдохнув, пытаюсь забрать руки. Он отпускает, но тут же уверенно и мягко подтягивает меня к себе за талию поближе. Даже моего более чем скромного опыта в общении с противоположным полом хватает, чтобы понять — Зимин не новичок в вопросах соблазнения.

Откровением для меня становится то ощущение, когда он еще даже не целует, а я вся

уже как натянутая струна в ожидании этого! Когда и хочется, и страшно. Не помню, чтобы хоть один парень вызывал во мне такие эмоции.

Наверное, все дело в нервном перевозбуждении последних дней. И в остроте этих последних, проживаемых с ним эмоций. Просто он пока не знает о моем решении.

— Дань, а как же ты собираешься ехать в Москву без разрешения директрисы? — уворачиваюсь от близости его лица. Зимин хмыкает, но смотрит по-прежнему жарко.

— А когда я ее спрашивал?! — целует мою отвернутую от него голову в висок. Потом за ушком, убрав волосы в сторону. Ох, не зря этот хитрый жук заманил меня сюда, в такой густой плотный полумрак, где даже сопротивляться не особо хочется. И теперь так мастерски-нежно бормочет мне в уши о своей любви, что я, невольно вслушиваясь, растекаюсь лужицей в его объятиях. Уверена, что это рано или поздно закончилось бы поцелуем, не появись здесь Ленка так вовремя!

Цокая каблучками, она шумно заходит в подъезд и курсирует к лифту. Заметив нас или, вернее сказать, меня в обнимающейся у окна парочке, приостанавливается и смотрит с нескрываемым любопытством. Даже нажать на кнопку лифта забывает!

Мы с Зиминим оба одинаково долго выходим из оцепенения, когда ее интерес к нам становится очевидным.

— Привет, — радостно кричу ей из его объятий, как дурочка. Ленкино появление, это все равно что бодрящий душ. Аккуратно, но твердо отстраняю Зимина от себя. С удовольствием подмечаю, как его глаза разгораются опасным блеском. Но бесится он молча.

— Данил, это моя соседка Лена! Познакомься. Мне, правда, уже пора. Извини, — выпаливаю скороговоркой, — напиши, как доберешься домой, окей? Пока.

— И что, ты вот так уйдешь?! — кажется, он не верит. Даже опарашен.

— Ну да, — я спрыгиваю с высокого подоконника, на который он умудрился незаметно усадить меня зачем-то.

— Тош, стой! Нет, — отзывается в привычной своей наглой манере, но затем, спохватившись, добавляет, — пожалуйста...

— Лен, придержи лифт, я уже иду! — кричу ей, не обратив на это никакого внимания. Улыбаюсь ему на прощание. Стараясь не бежать, по-быстрому иду к Ленке. Она, наконец-то, выходит из ступора и нажимает на кнопку лифта.

Зимин остается у окна один и, судя по всему, очень злой. Стоит, не двигаясь, засунув руки в карманы.

Время кажется мне вечностью, пока тяжелая лифтовая конструкция, скрипнув, начинает свое ухающее движение к нам с Ленкой откуда-то сверху. Я шагаю в лифт вслед за ней, но, поколебавшись немного, решаюсь выглянуть напоследок и посмотреть на него:

— До завтра, Дань! Будь осторожен!

Но Зимин не отвечает, не отрывая от меня волнующего, пронзительного взгляда. Ленка молчит тоже и лифт закрывается, медленно унося нас наверх.

Я знаю, что уже глубоко закопалась в своем вранье, но, как пчела в меду, вязну в нем только глубже. Кто ж знал, что это простое полушутливое обещание приведет к тому, что Зимин теперь на полном серьезе будет считать меня своей невестой?!

Я оплошала, пора признать. И просто сделать откат назад уже не получится. Зимин не даст.

А значит, хочется мне того или нет, пришла пора действовать! Придется быстро сбегать, сжигая за собой все мосты. Но сделать это так, чтобы он узнал о моем побеге последним.

Глава 22 Любовь или упорство психа, **нужное подчеркнуть**

Подруга пристаёт с расспросами, но я — кремень. Каюсь, грешна, раньше с ней и с Ирккой мы частенько обсуждали что ни попадя, особенно отношения и парней. А уж так, как Ленка, мало кто умеет «обсасывать косточки» своим бывшим или знакомым. Мы, бывало, ухихатывались на кухне, сидя далеко за полночь, и слушая ее юморные рассказы с подробностями.

Мы еще даже не доходим до квартиры, как вдруг она останавливается как вкопанная и спрашивает:

— Слушай! А я, кажется, видела этого мальчика где-то в клипе... Он так похож на ZIMMA!

Неохотно, но подтверждаю, что это он. Ленка чуть не визжит и просит меня познакомить их.

— А у вас что, роман или что-то типа?! — вдруг вспоминает.

— Нет, — отвечаю коротко, — просто знакомый. И вообще! Ему восемнадцать еще даже нет.

— Да? А выглядит постарше...

Открываю своими ключами квартиру, слушая ее бред. Как ни крути, дядя Ваня оказался прав! Вот они, первые фанатки. Никуда даже далеко ходить не надо. Ленка дуется, приговаривая, что я молчу как рыба об лёд.

Но я знаю Ленку — стоит мне выдать хоть один комментарий, как она начнёт «крутить меня» дальше по полной. В конце концов, заявляет, что я, наверное, что-то от нее скрываю. В ответ только загадочно улыбаюсь. Это самая верная тактика в общении с ней.

Быстренько ужинаю, чем есть, и иду в душ. Потом, поразмыслив, пишу Данилу смс. Впервые.

«Дань, ты уже в детдоме?»

«Нет» — он отвечает сразу.

«А где?»

«Все там же;)»

Я его правильно поняла?! Хватаю пуховик, накидываю прямо поверх домашней пижамки, и мчусь на лифте на первый этаж. Ну, так и есть! Зимин курит, сидя на подоконнике.

Проворно спрыгивает оттуда при виде меня и тушит сигарету об стену, пока я подхожу поближе. Вижу, что эта не первая, но запах дыма не противный, а даже приятный, какой-то едко-ментоловый. Наверное, дорогие сигареты.

— Опять трэки пишешь? — решаю пошутить.

— Нет, ждал тебя.

— Но шанс, что я приду или напишу, был один из миллиона!

— На самом деле, нет, — потихоньку подкрадывается ко мне с хитрой улыбочкой, — намного больше.

— А если б я не пришла, ночевал бы тут?

— Не знаю, — чувствую его теплое мятное дыхание совсем близко, — не думал об этом. Я никуда не спешу...

— Так, стоп, Данил! Скажу сразу. Никаких поцелуев, — демонстративно отхожу к окну и сажусь на подоконник, туда, где он сам только что сидел.

— Поцелуй фигня, — отзывается он как-то грустно, — я так влюбился в тебя!

— Так влюбился, что прям сразу надо жениться! Очень срочно, — смеюсь.

— Но я не знаю другого способа быть с тобой, — отвечает просто, тоже усаживаясь на другую сторону подоконника. Смотрит так, словно хочет разгадать мои мысли.

— Есть и другие способы, — откликаюсь.

— Например?

— Например, давай встречаться, — мне даже не верится, что я сама сказала это.

— Я ведь уже предлагал, ты не захотела!

— И что? — в моем голосе звучит вызов. Нападение, как известно, лучшая защита.

— Значит, ты, Тошечка, — он мгновенно свирепеет, спрыгивая с подоконника и подойдя ко мне вплотную, — уже готова встречаться тайно, да?! И ни разу не скажешь мне, что ты училка? А я малыш? Будем прятаться где-то вместе?

Невольно отвожу взгляд в окно. Вообще, он прав! В нашем маленьком городишке трудно спрятаться. И мне бы очень не хотелось уподобляться развратной Кобылянской. Краснею, избегая смотреть на него, потому что взгляд Зимина обжигает.

— Или, может, ты поедешь со мной в Москву не женой, а просто так? Жить вместе, любить меня, — продолжает с нажимом, — ну скажи!

Да чего он так разволновался?! Я кусаю губы, мучительно соображая, пока тишина вокруг нас не становится звенящей.

— Блин, Зимин, ну успокойся, пожалуйста, — не выдерживаю. Решаю все-таки посмотреть на него. Он кажется очень напряженным, — я подумаю над тем, что ты сказал!

Тоже спрыгиваю с подоконника, обходя его.

— Не понял. О чем ты собралась думать? — он говорит мягко, но таким не выглядит, — мы уже подумали. Забыла?! Ты моя, запомни. И так будет всегда...

Вот теперь я по-настоящему пугаюсь. Во мне, если честно, все еще теплилась надежда как-нибудь все это разрешить. Не так, как он хочет, конечно. Но заморочить ему голову.

Наглый мальчишка как танк, к тому же, умен не по годам! Ясно дал понять, что если уж ухватил свое, то не упустит. Мне не очень-то приятно чувствовать себя добычей. Его трофеем.

Сейчас Зимин выглядит таким заведенным, что я не решаюсь пожелать ему спокойной ночи и просто уйти, как планировала! Это какой-то бесконечный тупик, в котором жутко бесит ощущать почти физически, как Зимин плетет вокруг меня свою невидимую паутину. Я вязну в нем, и в этих отношениях.

У меня даже нет времени остановиться и задуматься, а что я, собственно, к нему испытываю?

— Данил, как мне успокоить тебя?!

Он усмехается:

— Как ты говоришь, есть способы! Но я не буду тебе их предлагать. Подожду до свадьбы.

Вспыхиваю. Спрашиваю дерзко, в его стиле:

— Ааа, так тебе секс на самом деле нужен?!

— И секс тоже, — спокойно отвечает.

— Это что, типа способ самоутвердиться?

— Типа способ стать ближе, — продолжает непринужденно, — способ показать, как я к тебе отношусь...

Последнее произносит уже без едких ухмылочек, хрипловато и горячо. И от того, как он говорит это, у меня жар по телу.

Отступаю. Зимин замечает это и хмыкает, не делая никаких попыток приблизиться. Как будто боится испугать!

— Это так примитивно, — пожимаю плечами. Он сжимает губы и молчит, но я вижу, что он не согласен со мной.

— А что не примитивно? — усмехается, справившись с эмоциями, — ладно, короче. В день моего совершеннолетия мы идем в ЗАГС!

— А если выходной..

— Понедельник, — отрезает, даже не дав договорить.

— А тебе, вообще-то, интересно, — я задумчиво смотрю на него, выдержав паузу, — люблю ли я тебя?!

— Полюбишь, — обрубаёт жестко, снова делаясь агрессивным, — потому что ты моя! А я твой. Я уже люблю тебя за двоих. И все сделаю, чтобы это было взаимным...

— Спасибо, конечно, Дань, но, — опешив, я стараюсь тщательно подбирать слова, — если любишь, то подождешь! Я пока не очень готова торопить события.

— Но ты уже пообещала мне, — он снова бледнеет, и желваки на его скулах напрягаются от сжимающихся челюстей, — я подожду, пока ты меня полюбишь. Не бойся. Но от ЗАГСа тебе не отвертеться, Тоня! И давай на этом закроем тему?!

Я молчу, а он вдруг подходит и тянет за резинку моего хвостика, пока волосы свободно не рассыпаются по плечам. Смотрит в восхищении:

— Ты такая красивая, Тонечка...

Зимин так откровенно любит меня, что даже нет сил на него злиться. Но главное, я знаю, что никакие разговоры и уговоры ни к чему не приведут. Он втемяшил насмерть себе в голову этот поход в ЗАГС, и я уже бессильна что-либо изменить. Он не согласится.

Берет мои безвольные руки, и сжимает крепко, до боли.

— Тош! Ну скажи мне хоть что-нибудь, — требует.

— Пожалуйста, Дань...

— Пожалуйста, что?!

— Мы же шутили тогда, — упрямо повторяю, — ну, давай не пойдем в ЗАГС?

— Пойдем, — он вцепляется в меня, гневно сверкая глазами, — хватит! Ты мне уже как жена...

Я вырываюсь и бегу от него. Зимин не держит.

— Смирись с неизбежным! — кричит мне вслед как ненормальный.

Задышавшись, я вызываю лифт и оборачиваюсь посмотреть на него, только прощмыгнув внутрь кабинки. Он стоит в привычной своей позе, смотрит со странной тоской.

ZIMMA как будто почувствовал, что будет дальше. Хотя, нет, если бы он почувствовал, то все сложилось бы иначе!

Но разве он оставил мне выбор?

Глава 23 Сжигая мосты

Хмурым пасмурным утром, едва проснувшись, я хватаю с тумбочки зазвонивший телефон. Смотрю на экран — дядя Ваня. Поздоровавшись, весело докладывает, что вчера вечером разговаривал с моей директрисой.

— Ты спишь, что ли еще, соня? Ну уж теперь, если не передумала, конечно, тебя отпустят с работы день в день, — заключает с гордостью.

— Спасибо, дядь Вань. Я вам должна, как раньше говорили, как земля колхозу!

— Вот видишь, — смеется, — значит, и старый дядька твой на что-то сгодился. За деньги, дочка, тоже не беспокойся. На первое время помогу, пока обживешься, туда-сюда... Отдашь потом когда-нибудь!

Я снова бормочу слова благодарности, ужасаясь, и не веря до конца, что все происходит так быстро. Но делать нечего. Как сказал бессмертный Шекспир устами своего Ромео Монтеки — и, кто б ни правил мой корабль, уж парус поднят! Ежусь от такой ассоциации, мороз по коже.

Пребывая в полнейшей неуверенности, я все же подтверждаю дяде Ване, что не поменяю своего решения.

— Молодец, Антонина! — его явное одобрение подрывает первый мой личный мост, связывающий с этим городом. Этот мост — весомый для меня авторитет дядьки. Теперь отступить стыдно, — нечего тебе делать в нашей глуши. Зимин вчера не лез к тебе?

— Нет.

— А то я вечерком тебе звонил, Лена твоя трубку подняла...

Что?! Черт, черт. Убегая к нему, я оставляла телефон дома. Ну, Ленка, блин! Она уже спала, когда я вернулась, ей на работу сегодня рано.

— И я Елену расспросил немного, — деловито продолжает дядя Ваня, — ничего? Она сказала, что приходил к тебе какой-то парнище...

Ну, этого у дядьки не отнять, он умеет расположить к себе практически любого. И технично разговорить!

— Дядь Вань, да, но там ничего страшного! Не переживайте. Просто проводил с работы, — нервничаю, но врать не хочу.

— Значит, уже и адресок твой знает?! Ты его недооцениваешь, — совсем как маленькой, объясняет он мне, — наобещала хулигану детдомовскому... Не забыла хоть?

— Забудешь тут, — ворчу.

— Вот и хорошо.

— Ну, не нагнетайте, пожалуйста! Я же сказала, что решение приняла и не поменяю. Он мне ничего плохого не сделает.

— А я проверять не советую, Тоня! Давай ноги в руки и дуй на работу, пиши заявление на увольнение. Отзвонись потом, — заключает.

Что-то дядя Ваня уж слишком вошел в раж в своей новой роли моего спасителя! Хотя, мне ведь реально больше не на кого рассчитывать. А между тем, мандраж уже начинает бить потихонечку. Данил Зимин абсолютно непредсказуем.

— Да, спасибо, так и сделаю, — отвечаю коротко, — перезвоню.

Кладу трубку, иду в ванную комнату, одеваюсь и еду на работу. Без завтрака, аппетита все равно нет. Наверное, в следующий раз я обрету способность есть только в Питере.

Больше всего на свете теперь я боюсь встретиться с ним!

А дальше все происходит совсем быстро. Благодаря дяде Ване, я встречаю полное понимание со стороны директора Таисии Валерьевны. Она сочувственно сообщает, что ей известно о домогательствах ко мне одного из учеников, и она сделает все, чтобы о моем увольнении в коллективе узнали как можно позже.

Все это хорошо, конечно, но мне делается противно и гадко, потому что домогательства — неправда. Я тут же возмущенно заверяю ее, что никаких домогательств нет, но она даже не желает меня слушать, повторяя, что бояться мне нечего. Расстраиваюсь! Надо будет обязательно поговорить об этом с дядей Ваней. Не хватало еще, чтобы все думали, что я сбежала из-за домогательств Данила! Он итак возненавидит меня, и я никак не могу избавиться от почти осязаемого, какого-то липкого и гнусного ощущения себя как отрицательного героя.

Оставляю ей заявление, датированное сегодняшним днем, и получаю обратно на руки свою трудовую книжку. Потом, с Армагеддоном в душе, но внешне очень спокойная, я провожу несколько уроков в младших классах соответственно школьному расписанию.

Заразившись мрачным настроением своего суетливого родственника, по окончании последнего рабочего дня, я немедленно еду на вокзал и покупаю билет в Питер. Питерский поезд проходит через наш городок уже сегодня вечером.

Если Данил Зимин выбрал Москву, то я выбираю северную столицу! Холодную и дождливую, как моя душа сейчас. Там для нас намного меньше шансов пересечься. Представляю, как страшно он захотел бы мне отомстить, встретить меня еще раз когда-нибудь. Но я спрячусь так, что не найдет, даже если захочет! Никогда. Мне это просто — я не собираюсь становиться публичной персоной.

И пусть дядя Ваня прав не во всем, но во многом! Пришла пора это признать, и сейчас я фактически бегу из родного города. Если бы Данил пошел хоть на какой-то компромисс, или если бы не было того поджога, или если бы я не была такой самоуверенной душой... Слишком много «если»!

Но история не терпит сослагательного наклонения. С билетом в кармане, совершенно убитая происходящим, я возвращаюсь домой к девочкам.

Почему-то мне всегда казалось, что понадобится бы не меньше месяца, чтобы взять и вот так собраться, уехать куда-нибудь, но все оказывается гораздо проще. Мои вещи умещаются в пару чемоданов, если не считать кое-какой личной мебели и того ненужного, что мои родители смогут забрать из этой квартиры чуть позже.

Как всегда, все упирается в деньги. Но моя жизнь того явно стоит, поэтому я оставляю соседкам по квартире оплату за пару месяцев вперед, чтобы они нашли кого-то вместо меня, не торопясь и не обижаясь.

Придумываю на ходу какую-то более или менее правдоподобную историю о том, что знакомые пригласили меня на работу в Москву, и ехать нужно прямо сейчас.

Я не рассказываю им даже про Питер. Не знаю почему, интуиция. В глазах Ленки, как обычно, читается недоверие, но не все ли равно?

К вечеру я собираюсь окончательно. Там меня встретит и поможет устроиться на ночлег старый знакомый дяди Вани. Я звоню родителям, сообщив им почти то же самое, что и девочкам. Обещаю объяснить все немного позже.

Чуть выдыхаю, хотя чувствую себя очень гаденько. Как предательница. И еще, на сердце щемит пока не очень ощутимо, но все больше.

Я всеми силами избегаю думать о том, что почувствует завтра Данил Зимин, когда ему расскажут, что я уволилась и съехала с квартиры. Всего за один день. А то, что он будет искать меня, сомнений не вызывает...

Глава 24 Финал или многоточие?

День, когда я иду по залитому предзакатным солнцем перрону, крепко сжимая в руке билет и поминутно, как воришка, оборачиваясь, запомнится мне навсегда. Врежется в память.

Я иду в темных очках. Колесики большого баула позади меня размеренно стучат по мелкой плитке платформы. Я не даю себе ни малейшей возможности передумать.

Учитывая, что простой детдомовский паренёк Даня Зимин — продвинутый пользователь соцсетей, я десять минут назад, прямо в зале ожидания удалила все свои аккаунты. Восстановлюсь во Всемирной паутине попозже, и под другим именем. Если уж сжигать мосты, то все и сразу!

Понимаю, что просто боялась до ужаса, что он напишет мне там и у меня не хватит сил отказать ему во встрече.

Еще, там же выписываю на бумагу все контакты из своего телефона. Только что я купила в привокзальном ларьке новую SIM-карту привычного мобильного оператора. Подхожу к урне с мусором и достаю телефон, чтобы выкинуть из него старую.

В этот момент мой поезд прибывает на платформу — я слышу, как по громкоговорителю объявляется посадка рейса до Питера.

И чувствую себя в этот момент героиней экшена! Или слезливого клипа. Телефон в моих руках мигает сообщением. Зимин!

Читаю: «Извини за вчера». Улыбаюсь одними губами. Он умеет извиняться? Тут же прилетает новое: «Но тебе уже от меня никуда не деться! Смирись, тебе понравится;) Во сколько и где встречаемся?»

Я раздумываю всего секунду. Пишу: «Это ты смирись!». Отправляю. Зимин тут же набирает меня, но я сбрасываю звонок. Затем одним движением вытаскиваю карту из телефона, глядя на нее в последний раз. В ней его номер и вся моя старая жизнь...

Тетка-уборщица громко шуршит мусорными пакетами возле меня, дожидаясь своей очереди подойти к урне. Смотрит недовольно — здесь узкий проход, и я мешаю ей. Неловко роняю карту замерзшими на ледяном ветру пальцами, но поднимаю и швыряю в урну.

Снова надеваю тёмные очки. Иду к поезду, машинально высматривая свой номер вагона. Прямо на ходу распечатываю и вставляю в телефон новую SIM-ку. Интересно, что было бы, появись он сейчас здесь?!

Мне запоминается и то, как резко, едва поезд трогается, небо затягивает тяжелыми свинцовыми тучами. Я смотрю на вокзал из окна, а небо плачет, то ли дождем, то ли снегом. Двигаясь как механическая кукла, нахожу свою полку в вагоне и присаживаюсь на нее. Это я натворила?!

Похоже, что моя жизнь только что пересекла нулевой километр. Что же ждет меня за следующим поворотом?

Глава 25 Новая я

Но ничего страшного не происходит. Как и предсказывал мой дядька, я благополучно добираюсь до Питера и без труда нахожу себе временное пристанище в гостинице. Меня встречает на вокзале его пунктуальный старый приятель, тоже служивый, и помогает сориентироваться в городе.

А город этот прекрасен! Очень скоро я получаю возможность оценить его, и даже влюбиться. Первые дни просто гуляю подолгу в холодной тишине и много, много думаю, толком ничего не делая.

Потом мне везет. Я снимаю комнату в центре у одинокой интеллигентной старушки и нахожу работу. Это не совсем по моей специальности, вернее, совсем не по моей специальности, но работа в офисе и хорошо оплачиваемая. В коллективе маленькой фирмочки по установке металлопластиковых окон я нахожу и первых друзей. Со временем, съезжаю от старушки и начинаю снимать недорогую квартиру в одном из спальных районов города самостоятельно.

Мой разговор с Ирккой происходит несколько месяцев спустя после отъезда, когда у меня наконец-то доходят руки позвонить девчонкам и узнать как дела, а также сообщить мой новый номер. Признаюсь, я не звонила им ещё и потому, что боялась, как бы они не передали мой номер Зимину по неосторожности. Они ведь ничего не знают!

Поболтав с ней пару минут, я задаю вопрос и о нем, приходил ли. С замиранием сердца, жду ответа еще раньше, чем успеваю спросить. Как будто жду какого-то трэша. Ира, действительно, выдерживает странную паузу. Отвечает, как бы нехотя:

— Да, приходил!

— И что? — волнуюсь.

— Да ты представляешь, он обходил все квартиры, пока не дошёл до нас! Мы, конечно, не стали скрывать, что ты здесь жила. Но номер твой давать отказались.

— А потом?! Просто ушёл?

— Ой, потом, — она как-то встревоженно вздыхает прямо в трубку, — такое.

— Какое?

— Тонь, только между нами, ладно?

— Ладно, — теперь уже я начинаю тревожиться, — говори уже.

— Да ты знаешь, — она мнётся, — он ушёл, конечно. А за окном начался ливень! Мы видели в окошко, как он присел на улице на бордюр, помок немного, и вдруг встал, начал танцевать. Так странно... но красиво. Под дождем.

— Сильно промок? — спрашиваю упавшим голосом.

— Не знаю, не думаю. Ленке захотелось пойти, его утешить.

— Ленке?! А дальше? Что он у вас вообще спрашивал?

— Ну, спросил, где ты сейчас. Мы сказали, уехала из города, куда не знаем, — она вздыхает почему-то, — телефон спросил, не дали.

— И это всё?

— Все.

— Так, а Ленка что? Утешила? — усмехаюсь, но на душе кошки скребут.

— Тонь, — она опять мнется, — только если что, я тебе этого не говорила...

— Ну? — злюсь на ее молчание, — Ирааа.

— Короче! Она спустилась к нему, дождь усилился. Поэтому зашла с ним вместе в подъезд. Ее долго не было, а как вернулась, рассказала мне кое-что.

— Что?

— Прикинь, он ее просто трахнул и все на этом. Ленка потом доставала его телефон через десятые руки, звонила, а он ее номер тупо заблокировал!

— Офигеть, — выдыхаю, — что значит трахнул?! Изнасиловал, что ли?

— Нет, — отвечает так уверенно, как будто видела все сама, — Ленуська рассказывала, что сначала они просто поговорили, она сказала что-то, чтобы приободрить его, ну, там, что вы все равно не пара... Потом начала флиртовать. Ну, ты ж знаешь Ленуську?! Говорит, все на адреналине было, захотелось куража. Он ее прямо там где-то и...

Выдерживает многозначительную паузу.

— Потом пожалела, конечно. Но это когда он не захотел продолжать общение! Вот гад, да?! Поматросил и бросил. Лена до сих пор в шоке.

— Они как-то предохранялись? Лена хоть не беременна? — я все не могу прийти в себя от услышанного.

— Вот этого я не знаю...

Все мои угрызения совести по поводу бегства из города и нарушенного обещания тут же начинают меркнуть. Я забыла предупредить Ленку, что Зимин — плохой мальчик! Я даже не подозревала, насколько. Хотя, она должна была бы сама догадаться.

Уверена, что он вряд ли так внезапно воспылал к ней страстью или, правильнее сказать, похотью. Скорее, это был выпад в мою сторону. Он умный, а значит, знал, трахая мою подружку, что об этом станет известно мне. Рано или поздно.

Но что он хотел показать этим — свое презрение, или, может быть, стремился как-то унижить?!

Представляю, что за ад творился у него на душе в те дни. И, похоже, что я вовремя унесла оттуда ноги. Ничем хорошим бы наше противостояние не закончилось!

Проходит еще несколько долгих лет моей жизни в Питере. И все идет почти прекрасно, если не считать того кусочка моего сердца, в котором всегда зима. Там всегда холодно и пусто, и пустоту эту уже ничто не способно заполнить. Ни друзья, ни работа, ни даже мой теперь уже постоянный парень, который появился в моей жизни примерно год назад. И мне с ним, правда, хорошо. Но я все никак не могу избавиться от чувства вины и некоторой незаконченности чего-то важного.

Конечно, я знаю, чего именно. Однако давно бросила бороться с этими эмоциями, потому что бесполезно. Я пробовала, много раз!

Поэтому просто сдаюсь им в те ночи, когда вижу странные сны или не могу уснуть. Этого никто не знает. Даже он. Илья Нарусов — мой молодой человек, как никто другой, наверное, заслуживающий счастья.

Он петербуржец, мой ровесник и абсолютно адекватный. Мы познакомились по работе, но проклятая идеализация Данила Зимины в моей памяти не даёт мне возможности стать счастливой с Ильей.

Все дело в том, что у него получилось! И теперь Зимин окружает меня везде, не давая себе забыть. Он поет мне из динамиков такси, танцует в телеке, когда я собираюсь утром на работу и, как назло, часто подолгу ищу затерявшийся пульт, чтобы переключить на что-то другое.

А иногда он целыми днями и ночами, пока я перемещаюсь по городу на Неве по

рабочим вопросам или просто смотрю в окно нашего офиса, глядит на меня с необъятных бигбордов и афиш.

Здесь он ежегодно гастролирует, и пока эти афиши не снимут, мне больше, чем обычно. ZIMMA действительно стал знаменит и узнаваем не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами.

Это та его мечта, которая сбылась, но не расслабила, а наоборот, мотивировала и придала, по-видимому, еще больше сил. Насколько мне известно, теперь он постоянно развивается и покоряет все новые творческие горизонты.

Я не хотела этого видеть и слышать, но мне пришлось узнать, насколько поэтапно и головокружительно он достигал своей цели. Ведь у меня есть глаза и уши, телевизор и интернет... Интервью и выступления на различных площадках в Сети, а затем на радио и по телевидению постепенно сделали ему большое имя. Он добился, он смог, он покорила наш звездный Олимп! И судя по тому, насколько качественными и запоминающимися стали его новые песни, а потом целые альбомы, Данил Зимин встретил своего продюсера, о котором давно грезил.

Не знаю, одинок ли он, но не женат точно. По крайней мере, насколько об этом известно стране и всем тем визжащим, беснующимся на каждом его концерте фанатским толпам. И, конечно же, мне, для которой каждый его трэк о несбывшейся любви скребёт острием ржавого гвоздя по старой ране.

Мне, которой в каждом интервью, где он говорит о том, что так и не научился никому верить, чудится немой укор, направленный на конкретного человека. Это все из-за чувства вины, которое мне никак не удается задушить до конца в себе.

Кроме того, что знают все, я больше ничего не знаю о ZIMMA, так как он уехал незадолго после меня из нашего захолустья.

Ничего этого не знает и Илья Нарусов, искренне недоумевающий, почему у меня каждый раз портится настроение, стоит нам только где-то увидеть клип или услышать очередной хит ZIMMA, от которого тащатся многие наши знакомые.

Сегодня воскресенье. Мы сидим в залитом солнцем кафе на набережной, едим мороженое. Илья проникновенно заглядывает мне в глаза, болтая какую-то чепуху. А потом вдруг, очень неожиданно, достаёт кольцо в коробочке.

Соскальзывает со стула на пол прямо передо мной и встаёт на одно колено. Незнакомые люди вокруг нас начинают улыбаться, аплодировать. Кто-то просто глазеет с любопытством, а кто-то зачем-то начинает снимать нас на телефон.

Меня передёргивает. Я интроверт, и очень не люблю повышенное внимание, особенно от чужих людей. Да ещё в такой момент?! Ох, Илья...

В общем и целом, чувствую себя неприятно. Тушуюсь, стесняясь произнести явное «нет» или что-то типа «подожди, давай обсудим» в присутствии десятков обращенных на нас пар глаз.

И тут я понимаю! Понимаю, что должна отказать. Потому что Илья — это не тот мужчина, рядом с которым мне хотелось бы прожить свою жизнь. А еще, понимаю так же ясно, что устала позволять Зимину жить и дальше в моей голове, отравляя собой мою кровь...

Я ничего не должна ему! И обязательно еще встречу нового, стопроцентно моего человека, вместе с которым изгоню бесов прошлого. Смогу стать счастливой. Может быть, даже очень!

Улыбаюсь Илье, и абсолютно спокойно предлагаю присесть и поговорить. Продолжаю пить кофе. Щурюсь на солнце. Начинаю, наконец, рулить своей жизнью! Вообще, у меня много планов. И я впервые начинаю испытывать нечто вроде благодарности к Зимину за то, что это именно он дал мне тот «волшебный пинок» когда-то, подтолкнувший меня к новой жизни. Она оказалась куда лучше и интереснее прежней!

А еще за то, как мотивирует на личном примере, что если ты чего-то по-настоящему захочешь, то возьмешь! Кроме человека. Ведь человек не может быть целью. Зимин тогда не знал об этом, но, возможно, понял со временем.

Или не понял! Я видела, как он выглядит сейчас — ещё более наглым и напористым, чем тот отвязный детдомовский хулиганище. Куда более опасным. Не хотела бы я попасться когда-нибудь ему в лапы! Уверена, что встретить он меня где-то случайно, его месть не была бы изящной.

Хотя, и я ведь давно уже не та маленькая испуганная учительница! В любом случае, я желаю ему счастья. А себе — прожить свою собственную, может не такую яркую и насыщенную, как у него, но абсолютно точно не менее прекрасную, счастливую жизнь.

Я сохраню себе на память воспоминание о странном влюбленном мальчике из прошлого, который стоял, почти занесенный снегом, с украденной белой розой под подъездом моего дома.

И пусть у него все будет хорошо! Для миллионов людей он есть и будет ZIMMA, а для меня так навсегда останется смешным и трогательным Даней Зиминим, моим несостоявшимся мужем...

Больше книг на сайте - Knigoed.net